

ИЗБА ЧИТАЛЬНЯ

ФАБРИКА СВЯТЫХ БЕРГСТЕДТ

ЖБ.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

□ □ МОСКВА □ □

Библиотека для крестьян и рабочих

ИЗБА-ЧИТАЛЬНЯ.

Чернышев Иван Удалов. Ц. 10 к.

Дев-Хомяковская. „Красный сарафан“. Песенник.
Ц. 15 к.

Рязанцев. По-новому. Ц. 8 к.

Семенов. Отчего Парашка не научилась грамоте.
Ц. 25 к.

Никитин. Кулак. Ц. 15 к.

Нефедов. Сказка о заколдованном кладе. Ц. 10 к.

Тихонов. Без компаса. Ц. 20 к.

Платоныч. Бабий бунт. Ц. 20 к.

Дорогойченко. Бурьян. Ц. 10 к.

Ложечников. Ледяной дом. Ц. 20 к.

ПОДВИЖНАЯ ХРЕСТОМАТИЯ

„ГРОМКАЯ ЧИТАЛЬНЯ“.

Вып. I. „Русские писатели“. Ц. 2 р.

Вып. II. „Иностранные писатели“. Ц. 1 р.

Б И Б Л И О Т Е К А
для рабочих и крестьян
„ИЗБА-ЧИТАЛЬНЯ“

БЕРГСТЕДТ

ФАБРИКА СВЯТЫХ

(Праздник св. Иоргена)

Переработка с норвежского романа
Е. ВИНОГРАДСКОЙ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва

Гиз № 7857 Главлит. № 25734. Москва. Издеч. 25.000 экз.

Госиздат. 1-я Образцовая типография. Москва, Пятницкая, 71.

СТАДО

— Кто видел паломников, валом валящих в Иоргенстад ¹⁾, тот понимает, что значит валом валить. — С востока и запада, с юга и севера стремились туда люди, кто пешком, кто в телеге, кто верхом, кто ползком, шли и лезли напролом, чтобы попасть во-время, узреть, как вынесут и покажут с высокой паперти храма чудотворный плащ св. Иоргена, и услышать громовой возглас Гросмейстера ²⁾, знаменитый трехкратный возглас: „Святой Иорген!.. Святой Иорген!.. Святой Иорген!.. Мы свято храним твой плащ!“

Паломники шли, опираясь на длинные посохи, в запыленных одеждах, с длинными бородами. Многие ковыляли на костылях... А в повозках и тележках везли калек и увечных, ослабленных и покрытых язвами и даже полумертвых, чтобы они прикоснулись к плащу, обладавшему несравненною чудотворною силою.

Паломники цесли в руках небольшие синие глиняные кружки, так называемые „Иоргеновские

¹⁾ Иоргенстад—город Иоргена.

²⁾ Главы общины верующих.

копилки“, с деньгами. Само собой, что взималась известная сумма за право прикоснуться к бесценному плащу.

Целый год стояла такая копилка на посудной полке бедной лачуги.

Грошик за грошиком откладывали бедняки из своих скудных заработков в копилку, пока она не оказывалась битком набитою грошами, добытыми поистине потом и кровью. Откладывать было нелегко, и нередко бедняк долго вертел в руках свой грош, прежде чем опустить его в копилку.

И вот, наконец, копилка была полна, установленная сумма собрана. Деньги пересчитывались. И после того люди уже начинали отсчитывать дни. С чистой совестью могли радоваться предстоящему далекому странствию, во время которого можно было встретить всех старых знакомых, пробираясь чужими деревнями и глухими лесами; испытать священный трепет, услышав издали три священных пушечных выстрела с горы Иоргена; с пением ступить на священную почву Иоргенстада и удостоиться наяву пройти по святым улицам, постоять перед святой статуей св. Иоргена, гранитная подставка которой потускнела и стерлась от поцелуев паломников... Удостоиться наяву узреть могущественных господ храмовников ¹⁾, шествующих по улицам и площадям торжественною процессиею, сквозь колена-преклоненные толпы... Хлынуть в рощу, к так называемому „храму“, и очутиться перед священной бело-мраморной лестницею, на которую

¹⁾ Члены священного совета.

никогда не ступала нога человеческая... Слушать звуки труб, возвещающих вынос чудотворного плаща!.. Семь господ храмовников выносили его из полумрака храма на свет дневной и показывали многотысячной толпе, благоговейно повергавшейся ниц. А на третий день праздника, когда все семеро знатных храмовников, во вретнице, с посыпанными пеплом главами, под звуки скорбной музыки и с видом глубочайшего сокрушения и раскаяния, шли к источнику омыть свои руки... за такое зрелище не жаль было и заплатить!..

И вот, люди хватали посохи и присоединялись к огромному шествию паломников, ежегодно проходившему по деревням с тысячеголоскою песнью паломников:

В путь, паломник! Слышишь зов?
Покидай убогий кров!
Все идут—и стар, и млад—
Во священный Йоргенстад!..

И как хорошо было в этой толпе паломников, как весело, тепло и уютно! У всех этих тысяч была одна общая особенность: согбенные спины и робкие глаза, то и дело наполнявшиеся слезами умиления. Никогда не натыкался здесь взгляд на гордую осанку или пару испытующих очей. У всех колени отличались гибкостью, а все головы при малейшем шуме с одинаковым испугом поворачивались в одну сторону, и все люди теснее жались в кучки.

* * *

Там, где проселочная дорога заворачивала, старые, опытные паломники начинали вытяги-

вать шею и окликать Тобиаса. Где Тобиас? Не видал ли кто Тобиаса? Пойдет ли Тобиас в этом году? Жив ли еще Тобиас?

— Жив! Жив! — откликнулся сутулый седобородый старик, высовывая голову из самой жалкой хижины деревни. Крыша была дырявая, у самого порога текла вонючая канава, а перед дверью высилась гора сухого навоза.

Он плотнее запахивал на себе свои лохмотья, хватал в руки посох, снимал с полки Иоргеновскую копилку и обтирал ее рукавом. Эге! Копилка была еще пуста, но Тобиас всегда умел наполнить копилку дорогою. В его деревне никто из соседей не поверил бы ему в долг и полугроша, которого он, само собою, не вернул бы, — Тобиас был в долгу у всех и каждого с незапамятных времен, — но, когда через деревню проходила толпа паломников, для старого Тобиаса наступал счастливый час. Он был первейшим из вожаков: он знал имена всех семерых храмовников, знал наизусть все евангелие Иоргена, был запевалой всех песнопений, прославлявших Иоргена, заучил весь порядок праздника, побывал на празднике Иоргена 47 раз под ряд: Другим это паломничество стоило денег. Старому Тобиасу обходилось даром — благодаря его умению молоть языком. Он и кормился в пути даром, из чужих мешков, и ночевал в святом городе даром — у своего старого приятеля Коркиса, проживавшего с дочерью Урсулой в Розовом переулке. Домой, к жене, Тобиас возвращался всегда загорелый, и с полным коробом всевозможных новостей. Само собой, что старый Тобиас всегда готов был примкнуть к паломникам. Что могло

бы помешать ему? Дети? Детей у Тобиаса не было. То-есть уже не было больше. Когда-то было двое мальчишек, весьма больших сорванцов, но одного повесили, другой—сгорел. Да и с дочками ему что-то не повезло. Не стоило допытываться—в чем именно было дело. А жена? Ну, она совсем никуда не годится; лежит на соломе в хижине и охает. Да что ж, лежать ей не плохо, а для развлечения пусть повоюет с поросятами и крысами.—Ладно, воюй себе на здоровье, не давай им спуска, старуха!—весело кричал Тобиас.—Авось, они не съедят тебя до моего возвращения!... И Тобиас, обогнув свою навозную кучу, спешил присоединиться к толпе паломников.

— Молодчина старик!—говорили все и снова смыкали ряды. Дорога шла лесистыми холмами, дремучими лесами. Это были „разбойничьи леса“—в старину они кишели разбойниками, теми самыми, с которыми отчаянно боролся Иорген.

Паломники как раз о разбойниках и вели разговор, когда Тобиас подходил к ним; главное—говорили о „Коронном воре“, самом знаменитом из всех, и об его товарище Поджигателе.

— Ну,—сказал Тобиас,—нашли о ком говорить!

— Да ведь „Коронный вор“ недавно опять появился в здешних краях,—сказали ему.

— Плюю я на него,—заявил Тобиас и затащил одну из своих песен:

Иорген—щит наш и покров
От разбойников, воров!
В ком любовь к нему пылает,
Всякий страх тот забывает!

Все подхватили, и сразу паломники почувствовали благоговейное спокойствие и радость.

Да, Тобиаса не худо было иметь спутником, когда дорога проходила по таким опасным местам.

Вдруг, совершенно неожиданно, откуда-то из чащи вынырнули двое чужих! Впрочем, вид у них был почтенный, бороды длинные, в руках посохи. Один, среднего роста, с темнорусой бородой и серьезным лицом, смотрел настоящим паломником—простодушным и скромным. И вдобавок был совсем глух, бедняга!

У другого рожа была довольно-таки свирепая—как у бульдога, и вся в шрамах; но и он был калека—ковылял на двух костылях...

Не успели, однако, люди хорошенько приглядеться к этим двум—глухому и хромому—как общее внимание было отвлечено другим зрелищем. Лес впереди расступился, и над чернеющими лесистыми холмами гордо вознесся Иоргенстад, белый, отстроенный заново, озаренный солнцем.

Паломники пришли с запада, и вся гора Иоргена очутилась перед ними, как на ладони, в золотом вечернем сиянии. На самой верхушке смутно рисовался дворец Гросмейстера, а севернее—два столба с перекладиной—виселица. Как раз под ними проходил Розовый переулок, где проживал приятель Тобиаса, старик Коркис с дочкой Урсулой. На южном склоне горы расположены были дворцы господ храмовников, ясно выстулавшие в прозрачном воздухе, и роща с куполом храма.

Паломники глядели во все глаза и жадно слушали старого Тобиаса. Лица старых паломников сияли радостью. Молодые были настроены

не столь благочестиво, но и они глядели с напряженным любопытством. Молодежи было среди паломников немало, и она держалась кучками—юноши отдельно, девушки отдельно. Они знали, что еще успеют сойтись!

У входа в город давка была страшная. Ослы ревели, бараны блеяли, петухи кукурекали. Это оброчные храмовые крестьяне тащили в город своих ослов, овец, кур и прочую оброчную живность. Шум, гам и толкотня... И вдруг, всю эту сумятицу прорезали три приветственных пушечных выстрела и зазвонили колокола.

Еще у подошвы горы встретили паломников мальчишки с плащами.—Плащи для паломников! Плащи для паломников!—выкрикивали они пронзительно.—Купите! Купите! Желтые, серые, белые, черные!..

— Добро пожаловать! Добро пожаловать!—кричали старые горожане снизу из-под моста.—Надеемся, с вами нет Коронного вора?

— Коронного вора?—кричал в ответ старый Тобиас, весь сияя и распушив свою белоснежную бороду.—Пусть-ка он посмеет забраться к нам!—И он перешел мост—в 48-й раз в своей жизни.

— Эй, ты! Не скатись в каменоломню,—крикнул он глухому, который в сопровождении калеки на костылях заворачивал к северу вокруг горы.—Эй-эй! Берегись!.. Глух, как мешок отрубей! Да, что это за человек? Не кузнец ли это из Самеа?—прибавил он, раздумывая насчет глухого.

Но это был не кузнец. Это был сам Коронный вор. Это он собственной персоной пробрался в Йоргенстад под праздничный звон колоколов.

КОРОННЫЙ ВОР

Настоящее имя Коронного вора было микаэль Коркис, но в народе он был известен под кличкой „Коронного вора“.

Микаэль Коркис родился в Иоргенстаде. Матерью его была Урсула, дочь неглупого, но запуганного старого Коркиса, привратника и стража храма. Урсула унаследовала от отца грустную и чистую душу и была необыкновенно красива. Когда она присутствовала однажды, молодой девушкой, на выносе плаща, главный капеллан ¹⁾ заметил ее в толпе и уже не спускал с нее своих горящих кабаньих глазок, так что она под конец стала сама не своя и, куда бы ни повернулась, чувствовала на себе этот прожигающий взгляд. Стоявшая с нею рядом Лотта-Гвоздика, с выпяченной нижней губой тоже заметила взгляд капеллана. „Ступай-ка домой, девушка, да расстегни свой пояс“, сказала она Урсуле. И впрямь: на третий день, в сумерки, когда Коркис с дочерью сидели за ужином, за дверями послышалась тяжелая поступь, дверь распахнулась и перед ними предстал главный капеллан в своем расшитом драконами облачении. Коркис и Урсула пали ниц, как предписывал обряд, но оба трепетали, зная, что их ждет.

Кивок—и старый Коркис покорно взял шапку и вышел. Долго шагал он взад и вперед по Розовому переулку, без-устали, не помня себя. Разговаривал с Лоттой-Гвоздикой о погоде, о гвоз-

¹⁾ Старший священник.

диках и опять о погоде. Но Лотта ядовито усме- халась.

Тогда он пошел к одноногому токарю. И тот усмехался как-то злорадно... Опять принялся ста- рик шагать по переулку, пока главный капеллан с двумя скороходами впереди не прошел мимо него и можно было безбоязненно вернуться домой.

Уреула лежала на постели, онемевшая, пы- лающая стыдом, изнеможенная и потрясенная.

После она продолжала свой будничныи труд, но как-то ушла в себя. Она чувствовала в своей „простонародной“ утробе „знатное“ семя главного капеллана.

Как горячее слепое пятнышко, въелось оно в нее, ожило и превратилось в ребенка. Она ро- дила его раннею весною и нарекла Михаэлем.

Микаэль вырос в бедной и тихой обстановке. О происхождении своем он скоро узнал от подымав- ших его на смех учеников токаря. Все переулки, где ютилась беднота, кишмя-кишели детьми го- спод храмовников. И Микаэлю не зачем было при- нимать насмешки особенно близко к сердцу, уро- дись он таким же вялым и сонно-равнодушным, как прочие ребяташки? Но, как на беду, он с ма- теринской стороны унаследовал хрустально-чистую отзывчивую душу деда и его склонность все при- нимать всерьез. А вот покорности и смирения деда ~~не~~ унаследовал. Вместо того, Микаэлю пе- редались от его „высокородного отца“ оскал свер- кающих, жадных зубов, сильное тело, решимость и гордость.

С горечью в душе, долгим взглядом провожал он по улице знатных господ храмовников, а в го- лове его упрямо роились дерзкие сказочные планы.

Наконец, долговязым подростком, он как-то подкараулил минутку и незаметно проник в высокий дворец главного капеллана; переходя из покоя в покой, добрался до него самого и сказал ему коротко и ясно:—Ты ведь—отец мой!

Его публично наказали за наглость плетьюми на городской площади и выгнали из города.

— Я ему отплачу!—сказал Микаэль своим домашним на прощанье.

— Не надо мстить! Не надо мстить!—уговаривал его старый кроткий Коркис, любивший мальчика, но побаивавшийся его буйного, решительного нрава. Сам он со своей кроткой душой всегда перед всеми сторонился, всем уступал.

Но в мальчике текла буйная, непокорная кровь.

Он сверкнул двумя рядами белых зубов и повторил:

— Я ему отплачу... когда вернусь в силе и славе... да, в славе!..

— Будь только добрым и честным мальчиком!—сказала мать.

— Честным! Как бы не так!—ответил мальчик, еще весь дрожа от порки. — Нет, сильным! Сильным! И пусть они там, на горе, берегутся! Пусть берегутся, господа храмовники!.. Пусть берегутся!—повторял он, прокрадываясь из дому задами, вон из города, вниз, в темные, дремучие разбойничьи леса—с маленьким узелком съестного в руках...

Он попал в труппу акробатов, перебивал в разных странах, в качестве канатного плясуна и прыгуна, потом перешел в труппу комедиантов. Труппа кочевала от одного королевского или кня-

жеского двора к другому и всюду имела большой успех. При Пармском дворе с Микаэлемстряслась беда. Микаэль слюбился с самой герцогиней и, чтобы спасти ее от скандала, выкрал заложенные ее братцем коронные брильянты.

Проявленная им при этом отчаянная дерзость—прыжок с верхушки башни, бег по остриям железной решетки и переправа вплавь по глубоким сточным канавам—была столь необыкновенна, что эта кража доставила молодому комедианту кличку „Коронного вора“. Все возраставшая в нем ненависть к жизни и людям, и обуревавшие его мечты о мести быстро вовлекли его в самую бесшабашную жизнь, полную приключений. И самым замечательным из них был скандал на празднике Иоргена, о котором здесь и рассказывается.

Было Коронному вору в это время уже 36 лет. Благодаря своему хладнокровию, презрению к смерти и присутствию духа, он раз за разом ускользал из самых крепких тюрем, но теперь сеть готова была стянуться вокруг него. На этот раз он спасался бегством, как лисица, преследуемая по пятам собаками. Он убил герцога зятя и собутыльника „графа-Кровопийцу“, найденного мертвым со столовым ножом в брюхе и с торчавшей изо рта гусиной ножкой—и герцог устроил настоящую облаву на знаменитого разбойника. С величайшим трудом ускользнул Микаэль из рук полиции и скрылся в непроходимой чаще лесов, где легко мог пропасть с голоду, но где его мудрено было изловить.

Но герцог твердо решил затравить свою дичь. Другой известный разбойник, Франц Поджигатель, которого герцог осудил на растерзание дикими

конями, тоже убежал из тюрьмы, и предполагалось, что оба преступника скрываются в одном лесу. Приказано было обшарить весь лес. Девятьсот крепостных крестьян герцога (из селений: Гнусавино, Голозадово, Утриносово, Семидорожье, Дураково и Храповицкое), с цепями и косами были двинуты к лесу с запада. С юга наступала собственная полиция герцога с ружьями, копьями и оленьими сетями. А с востока и с севера лес примыкал к пустынному берегу моря. Все таким образом гнало беглецов в западню, где они рано или поздно и должны были или погибнуть с голоду, или попасться в руки преследователей.

Микаэль Коркис лежал в лесу в лисьей яме и грелся на солнце. Борода у него была вклокоченная, лицо изможденное, одежда вся рваная и грязная.

Жизнь надоела ему. С годами—после того, как ему исполнилось тридцать лет—душа его как-то затихала, впадала в уныние. Жизнь уже начинала казаться ему окончательно проигранной, безнадежно загубленной.

Уныло смотрел он на свое красивое, гибкое тело, ощупывал свое грязное, обросшее длинной бородой лицо... Он знал свои способности, знал, что вооружен для жизни, как мало кто. Но что извлек он из всего этого? Теперь он уже должен был бы достигнуть своей цели, а вместо того лежал в яме, как затравленная лиса.

Вдруг с дороги послышалось пение паломников:

В путь, паломник! Слышишь зов?..

Он привстал. Ему пришла в голову мысль: Это ведь шествие паломников.

Что, если он замешается в их толпу?

Затерянный в этой толпе, он может побывать в родном городе. Никакой герцог не сыщет его в праздничной толкотне и давке, а после праздника он в той же толпе выберется из города и, может быть, проскользнет между рук у герцогской полиции.

Но вдруг им овладело отвращение, и он снова улегся. Все впечатления детства вдруг всплыли в его душе.

Домишко в Розовом переулке, молчаливая и выплакавшая свои глаза мать, старый дед, тесные каморки... насмешки... смелое посещение отца—всемогущего главного капеллана... плети на площади... прощание с городом... задорное обещание вернуться в силе и славе... и... отплатить!..

И вот он вернулся—нищим, затравленным, как паршивая л...

Он услышал издалека звон колоколов. Родных колоколов! И опять вскопчил, вдруг оживившийся, полный буйной, ни с чем не считающейся силы воли.

Да, он хочет побывать в Иоргенстаде и побывает, да еще как! Так что оставит по себе память. „В силе... и славе...“, клялся он когда-то.

Сеть стягивается вокруг него, но прежде, чем они его поймают, он еще раз встретится лицом к лицу со своим отцом, главным капелланом. Об этой встрече заговорят во всем мире и не скоро забудут о ней. Он выпрямился, бодрый, юношески свежий. Okликнул своего спутника Франца, грубого разбойника, который обмывал в ручье свои щиколотки, израненные кандалами

герцога. Из-за этих ран Франц разыгрывал калеку и ходил на паре краденых костылей.

Тупой и жадный, он трепетал и дрожал за свою жалкую жизнь и при одной мысли об угрожавшей ему казни—растерзании дикими конями—готов был заползти в мышиную норку.

Зато он слепо верил в светлую голову своего товарища. Вслед за Микаэлем проковылял он в толпу паломников и вместе с ними ступил на почву Иоргенстада в тот самый час, когда колокол на башне св. Катрины бил семь часов и звонили все городские колокола.

ПАУЧЬЕ ГНЕЗДО

Высшей точкой в городе являлась площадь св. Иоргена с бронзовой статуей Иоргена. Почерневший от дождей и ржавчины, стоял он там в образе молодого, смелого пастуха в короткой одежде, с посохом в руках и в широкополой шляпе, глядя вдаль, туда, за темные леса, откуда совершали свои налеты на город разбойничьи шайки, с которыми Иоргея вел непримиримую борьбу.

На лицевой стороне гранитного пьедестала было высечено золотыми буквами:

Св. Иорген, друг простых людей, в брачную ночь свою изгнанный из города высокомерною знатью, да будет благословенна память твоя.

А на противоположной стороне была надпись:
Воздвигнуто в знак покаяния и раскаяния священным Управлением храма св. Иоргена.

От площади вели вниз четыре дороги.

По северному склону спускалась „лестница Скорби“.

По преданию, этою дорогою бежал в брачную ночь окровавленный и нагой Иорген. На этом северном склоне росли красненькие цветочки, которые и назывались „Иоргеновой кровью“.

От площади Разбойничий переулок вел вниз, в новую часть города, со множеством странноприимных домов, постоянных дворов и погребов с вывесками в роде: „Праведный паломник“, „Добродетельный паломник“ и даже „Веселый паломник“, „Трактир Герцога“, „Новый трактир Герцога“, „Трактир Храмовников“, „Кровь св. Иоргена“, а над одним постоянным двором красовалось просто: „Сюда, старина“

Многие господа храмовники являлись негласными хозяевами этих корчем и погребков; это ведь были настоящие золотые россыпи города. Но чтобы скрыть это, никто из почтенных людей днем здесь не показывался.

Триста лет назад, так рассказывалась легенда о св. Иоргене, город и его окрестности жестоко страдали от нападений разбойничьих шаек. И странно: простой народ разорялся от их палетов, а знать все богатела и обзаводилась богатыми дворцами, битком набитыми всякими драгоценностями и награбленным добром.

Тут-то и поднялся на защиту народа благодетель Иорген. Он раскрыл, что городская знать находилась в тайных сношениях с разбойничьими бандами, грабившими народ. Все, что отбирали днем от простых людей, ночью свозилось в подвалы и склады знатных. Иорген и стал громко обличать их на площадях и улицах.

Разгневанные господа стакнулись и, в ночь свадьбы Иоргена, окружили его дом вооруженными людьми с факелами. Но молодой Иорген вскочил с брачной постели, вырвался из рук врагов и нагой, израненный, бежал по северному склону горы, где ныне шла „лестница Скорби“, затерялся в пригороде и исчез бесследно.

Разъяренные господа нашли только его забрызганную кровью пастушью безрукавку и вывесили ее, на поругание, на позорном столбе, который и до сих пор стоит на площади.

И вот утром, на восходе солнца, обнаружилось великое чудо: безрукавка исчезла, а на ее месте висел дорогой, шелковый вышитый и обрызганный кровью свадебный плащ.

Кроме того, словно невидимая рука преследовала с тех пор высокомерных господ города; сами они страдали чирьями и всякими болезнями, а их маленькие дети криком-кричали день и ночь, пока не умирали. Тщетно прибегали они и к врачам, и к знахаркам: ничто не помогало.

Тогда господа опомнились. Воздвигли в роще, наискосок от позорного столба, часовню в честь св. Иоргена и повесили в ней священный плащ. А в храме устроили „брачный покой“, в котором с великими почестями водворили невесту св. Иоргена, чтобы она могла там дожидаться возвращения своего жениха. Затем семь знатнейших жителей города получили звание хранителей храма и плаща, или „господ храмовников“, и составили храмовое Управление, которое должно было сохранить плащ до возвращения святого. И диво! Чирья пропали, все болезни прошли, и невидимая рука словно взяла с тех пор под свою защиту весь город.

Св. Иорген так и не возвратился, но его невеста прожила в храме до самой смерти, после же того, как она умерла, ей избрана была премница — одна из знатнейших и прекраснейших девиц в городе. Так с тех пор и повелось.

И каждый год, в Иоргенов день, „священный“, обрызганный кровью, плащ выносился из храма напоказ паломникам. Про этот плащ сложена была песня:

Плащ дивной силой одарен,
врачует все недуги он:
безумье, порчу, язвы, раны,
мужские, женские изъяны.

Триста лет прошло с тех пор, как Иорген бежал из города. С тех пор Иоргенстад стал известен, куда тысячи и тысячи паломников приходили поклониться святому месту, но особенно огромное стечение народа бывало в день выноса плаща и еще больше—если к празднику присоединялось избрание новой храмовой невесты. И как раз такое избрание предстояло в тот год, когда праздник посетил Коронный вор.

Храмовая невеста занимала высокое положение. Ей предоставлены были особые покои при храме, особый стул в церкви, вызолоченная храмовая колесница и весь доход от принадлежавшего храму участка земли.

Где бы ни проезжала храмовая невеста — все идущие люди должны были останавливаться, а едущие крестьяне и горожане выходить из своих экипажей и стоять, пока ее святейшая милость не изволит проехать. Перед каждым выбором храмовой невесты между знатнейшими семьями города происходила ожесточенная борьба. Хра-

мовая невеста должна была проживать при храме и хранить целомудрие до самой смерти. История говорит лишь об одной храмовой невесте, у которой нашли в покое кавалера. Наказание последовало примерное: обоих — и легкомысленную невесту и кавалера — зашили в мешок и бросили в яму, на севере от лестницы Скорби. Эта яма и доныне носит название Брачного пруда.

В позднейшие времена таких историй не повторялось, между прочим и по той причине, что храмовых невест стали выбирать по старшинству лет, то-есть из старых дев, принадлежавших к знатнейшим семьям в городе.

Между такими высокородными кандидатками также возникала невероятно страстная борьба. Молва передает историю о том, как две старые девицы — кандидатки в храмовые невесты — обе скончались в один и тот же день, послав друг дружке отравленные вишни.

О Л Е А Н Д Р А

В последнее время в Иоргенстаде обнаружился кружок — сомневающих насмешников, который угрожал торжеству Иоргеновских празднеств. И душою кружка сомневающейся молодежи, была никто иная, как дочь самого Гросмейстера, юная, гордая и прекрасная Олеандра.

По вечерам и по ночам, когда почтенные обыватели лежали в своих кроватях под пуховиками и читали на сон грядущий молитвы св. Иоргену, тишина ночная нарушалась взрывами смеха и ядовитыми насмешками юных кавалеров и девиц, — насмешками над паломниками, над плащом, над невестой Иоргена и даже над самим Иоргеном!

Наконец, незадолго до того праздника, о котором здесь рассказывается, произошел скандал, переполнивший меру терпения.

Вся компания молодежи пошла в полночь провожать Олеандру и ее хохотушку сестру Розу до дому — до дворца Гросмейстера на площади против статуи Иоргена. И вот Олеандра, стоя на крыльце отцовского дворца, обратилась с речью к статуе и назвала Иоргена „старым пугалом“, а паломников — идиотами. После же этого остальная компания, взявшись за руки и передразнивая паломников, изображая горбатых, хромых и блаженных, стала водить хоровод вокруг статуи, распевая старую песню паломников:

Скажи нам, Иорген, нас любя,
Что было б с нами без тебя?..

Ночные сторожа, разумеется, не осмелились призвать к порядку знатную компанию, а напротив, сами скалили зубы, наблюдая потеху. И веселая компания разошлась только, пропев все 25 куплетов песни и истощив все свои остроты насчет Иоргена и его будущей невесты, которою должна была стать или 48-летняя хромая Аврелия, дочь Казначая, или 52-летняя беззубая Лобелия, дочь Хранителя плаща.

Молва об этой истории повергла верующих обитателей города в ужас.

— Дочь самого Гросмейстера?! — шептались на углах улиц и на площадях.

— Да еще накануне самого праздника!..

Храмовники заволновались.

Такие скандалы могли подорвать славу праздника. Необходимо было принять серьезные меры, и — к Гросмейстеру отправлена была депутация.

Дрожа от гнева, явился Гросмейстер к своей дочери, которая, лежа на диване, чистила ногти, и потребовал ее к ответу.

— Олеандра, дочь моя. Называла ты паломников идиотами, а св. Иоргена, покровителя города, пугалом?

— Да; и не раз.

— Называла ты священный плащ Иоргена старым халатом?

— Конечно. Не могу же я верить в то, что пишется в евангелии Иоргена о превращении его простой безрукавки в драгоценный плащ! Безрукавка была обыкновенной безрукавкой с пятью-шестью костяными пуговицами, купленной у простого портного, где-нибудь тут же, на горе. Так?

— Возможно, — осторожно согласился Гросмейстер, он не привык мудрствовать о таких вещах и не знал, куда она клонит.

— И она, стало быть, превратилась в шелковый плащ с семнадцатью серебряными пуговицами? — продолжила Олеандра.

— Да.

— Прекрасно, — сказала молодая девица. — Что сукно может стать шелком, я допускаю, хоть и с трудом. И что костяная пуговица могла переменить цвет и заблестеть серебром — пожалуй, тоже. Но я не понимаю, как могли пять костяных пуговиц стать семнадцатью серебряными пуговицами. Как могли пять превратиться в семнадцать?.. Это вздор!

Гросмейстер почувствовал себя припертым к стене.

Глаза Олеандры сверкали, грудь ее волновалась, — она решила сказать отцу все.

— Почему ты запрещаешь мне рассуждать, а сам можешь проповедывать такой вздор и чепуху о человеке, умершем и погребенном 300 лет тому назад, да еще внушать людям, что он вернется!?

— Мы этого не делаем.

— Делаете! Разве вы не избираете ему новую невесту, чтобы она сидела и поджидала Йоргена, который умер 300 лет тому назад! Разве вы стали бы это делать, если бы не хотели заставить народ верить, что Йорген вернется? Да если б еще вы сами верили в это серьезно! Но каждый ребенок на улице может сообразить, что ни капли вы во все это не верите.

— То-есть, как это?

— Ну, да,—иначе вы избирали бы невесту молодую, красивую, которая бы подошла Йоргену в случае его возвращения. А вы, вместо того, выбираете такую, как казначейская Аврелия, которой 48 лет, или плащехранительская Лабелия, которой 51 год. Одна хромая, другая беззубая. Вы же сами понимаете, что вернись Йорген и загляни в брачный покой, где сидит такая старая дева с кошкой и канарейкой,—он через минуту покинул бы город. То-то!

Гросмейстер был окончательно сражен. Он должен был признать полную правоту дочери.

— Ни капли не верите вы не только в то, что Йорген может вернуться, но и в плащ,—не принималась Олеандра.—Когда ты был болен зимой, ты вызвал к себе врачей и знахарей отовсюду. А веруй ты в плащ, ты бы просто велел отнести **робн** в храм. Но ты не хуже меня знаешь, что **Б** плаще Йоргена целебной силы не больше, чем **в** этой вот чашке.

Да и какой же плащ может продержаться 300 лет! Не даром у вас в храме всегда имеется в запасе новый плащ, чтобы заменить старый, когда он разлезется.

Гросмейстер привскочил, побелев, как мел, и с испугом покосился на окна и двери.

— Это ложь!—прогремел он.

— Это правда!—ответила она.

— Кто это говорит?—прошептал он.

— Секретарь.

— Я это дело расследую,—занальчиво заявил Гросмейстер.—И, если это подтвердится, секретарю будет наклеен хороший пластырь на уста.

— Пластырь на уста!—вскричала Олеандра.— Вот видишь! У всех у вас пластырь на устах! Вы носитесь с плащом, в который не верите. Выбираете невесту, в которую не верите. Грозите друг другу пластырем на уста и дурачите тысячи паломников, рассказывая им легенды, в которых ни один из вас не верит ни единому слову.

Святого Иоргена никогда и на свете не было. Плащ его сфабрикован у вас в храме. Евангелие о нем сочинено вашими же храмовниками и книгопечатниками. Храм просто деловое предприятие. Праздник Иоргена—спекуляция, а выборы невесты—одна комедия. Вы тут бегаєте и морочите друг друга всеми этими старыми баснями об Иоргене и нас с колыбели пичкаете Иорженом, пока не вобьете нам в голову, что вся эта чепуха—нечто такое серьезное, что об этом можно разговаривать лишь шопотом и молитвенно сложив руки. И даже умные люди не решаются посмеяться над всем этим от чистого сердца, так как всосали все эти сказки с молоком матери, а

люди, желающие пробиться вперед, мало-по-малу приучились лицемерить и на каждом шагу призывать Иоргена, особенно когда предстоит обделывать выгодное мошенничество.

Вы изо дня в день твердите паломникам, что они—жалкие грешники и никуда не годятся—разве только червям на корм—без св. Иоргена... И вот, эти идиоты стекаются сюда каждый год и распевают:

Скажи нам, Иорген, нас любя:
Что было б с нами без тебя?

А вы стоите в уголке да посмеиваетесь себе в бороды и говорите: „Видно, и в этом году хороший урожай на дураков!“

Гросмейстер готов был лопнуть от негодования.

— Хорошо, дитя мое, ты желаешь переделать свет. По-твоему, наш город—разбойничье гнездо, живущее тем, что дурачит простаков.

— Да,—сказала она.

— Хорошо. Через две недели начнут стекаться сюда паломники. Выйди же им навстречу и скажи: «Дорогие паломники, не лучше ли вам вернуться во-свояси? Мы узнали, что все это одна ложь. Евангелие Иоргена—старая басня, наша собственная выдумка. И плащ мы сами смастерили, и вообще здесь нет ничего замечательного». Что скажут они на это по-твоему?—Разорвут тебя в клочья или прогонят. С ума сошла, скажут, и не поверят ни единому твоему слову.

Олеандра воззрилась на отца. Так серьезно она об этом не думала.

— А если бы они тебе поверили на слово и разошлись по своим домам...

Что тогда случилось бы с нашим городом? Все существование его с древних пор связано с праздником Иоргена, все жители от подвалов до чердаков кормятся паломниками! Лавки позакроются! Портные, шьющие плащи, останутся без заказчиков и без покупателей! Гончары могут выкинуть свои тысячу глиняных копилочек на дорогу! Гостиницы, странноприимные дома, ларьки, торгующие евангелиями, винные погребки будут ненужны. Весь город сразу обнищает. А крестьяне, платящие оброки храму, содержащие и тебя, ты думаешь, они попрежнему будут работать на обманщиков? Ты понимаешь, что каждой крошкой, попадающей тебе в рот, ты обязана этому самому мошенничеству, как ты это называешь. Понимаешь? По-твоему, достойно глумиться над тем, что кормит тебя самое? Отвечай!

Теперь была прижата к стене Олеандра. Она вдруг почувствовала себя глупенькой девчонкой перед серьезной действительностью.

Она ничего не ответила отцу, и Гросмейстер ушел.

На следующее утро Гросмейстер пришел к своей дочери.

— Дитя мое, тебе, конечно, известно, что ты— самая умная, самая красивая и самая знатная девица в городе. Тебе недостает только серьезной цели в жизни. Ты когда-нибудь думала выйти замуж, иметь детей?

— Я не пойду замуж.

— Ты можешь взять себе мужа, когда пожелаешь.

— Кого же это?

— Кого выберешь.

— Да разве есть кого?— безнадежно спросила она.

— К сожалению, возможных кандидатов всего двое. Или Герман, сын Секретаря, или Давус, сын Брата Розового сада.

— Давус!!

— Да или Герман.

— Герман!!

— Да или Давус... Разве есть другие?

— Нет, — сказала Олеандра и махнула рукой.

— Они оба ухаживают за тобой три года. Не слепа же ты. Выбирай! Но выбирай немедленно.

Олеандра подперла щеку обеими руками.

— Они оба наводят на меня тоску, — устало сказала она.

— Где же взять лучших, дитя мое?— сказал отец.

Олеандра посмотрела вдаль, на горы. Одинокый лебедь летел куда-то в широкий мир. А вот она обречена топтаться тут и, в конце-концов, быть спаренной с... Германом!! Или с Давусом!!

Ее смелое орлиное сердце сжалось.

— Я не хочу замуж, — твердо заявила она.

Гросмейстер одобрительно кивнул головой. Теперь он знал—куда свернуть.

Он наклонился к ней. Его серые глаза, спокойные и уверенные, гляделись в ее серые глаза, словно в зеркало.

— Олеандра, — начал он спокойным тоном, — раз ты не хочешь замуж, почему не наметить себе высокую цель? Ты смеялась над выборами невесты Иоргена.

И ты права. Они действительно смешны и позорят св. Иоргена

Но почему тогда тебе самой не попробовать поднять все на прежнюю высоту? Ты могла бы с моею помощью стать храмовой невестой!

Сердце Олеандры забилося. Ведь, в самом деле, она могла бы. Она увидела себя самое, гордую и прекрасную, в золоченой колеснице, приветствуемую тысячной толпой народа... И кончено тогда и с Германом! И с Давусом! Уф!..

Она чувствовала, что отец не отрывает своих глаз от ее лица.

— Протяни только руку, и—золоченая карета твоя,—сказал он.—Тебе не труднее взять ее, чем эту раковину.

Олеандра взглянула на перламутровую раковину, лежащую перед нею на столике.

И решительно всеми пятью пальцами схватила раковину.

— Да!—проговорила она, быстро встала и, не глядя на отца, ушла из комнаты.

* * *

Восемь дней шла борьба между знатнейшими фамилиями в городе из-за того, кому быть невестой Иоргена. Восемь дней враждовали знатные старые девы и их родственники. Олеандра держалась выжидательно и скромно у себя в покоях; только бледность щек да синие круги под глазами свидетельствовали о внутреннем волнении.

Состоялось одиннадцать совещаний Управления и все безрезультатно.

И на двенадцатом совещании Казначей и Хранитель плаща оставались теми же упорными соперниками и так же язвили друг друга.

— У Аврелии все-таки зубы-то еще целы,— сказал первый.

— Но за Лобелией право старшинства,— ответил второй.

— Да, на богадельню,— возразил первый.

— Всякий, кто заглянет ей в сердце...— сказал Хранитель плаща.

— Да, но всякий, кто взглянет на ее физиономию...— прервал Казначей.

Так они и не могли сдвинуться с места.

Гросмейстер счел момент удобным, чтобы завести речь о „молодой невесте“, и через пять минут прекрасная Олеандра была избрана храмовой невестой.

Друзья Олеандры ушам своим верить не хотели, но все старики города поголовно встретили выбор с одобрением: Олеандра искупила свои заблуждения.

Прогремели три пушечных выстрела.

Управление в полном составе торжественно явилось к Олеандре, и на палец ей было надето обручальное кольцо.

* * *

Пела и ликовала душа Коронного вора, когда на башне Катрины пробило семь и зазвонили все городские колокола! Толпы народа с шумом текли по улицам мимо него и навстречу ему... Коронный вор годами жил в одиночестве, как дикий зверь, которого травят. И уже одна возможность окунуться в это море людское делала его счастливым.

Он купил плащ себе и Францу, завел товарища в погребок „Справедливый паломник“, а

сам опять пошел бродить с толпой по улицам и переулкам.

Наступила ночь.

Паломники посolidнее и побогаче приютились в гостиницах и на постоянных дворах.

Паломники-бедняки устроились на ночлег под открытым небом, и те, кто были помоложе и побойчее, хохотали, плясали и жгли костры.

Микаэль направился к лестнице Скорби. Там лежали густые толпы паломников, со строгими лицами, слушая проповедников, возвещавших скорое пришествие Иоргена. Микаэль прислушался к их речам. В них звучала злоба на поведение господ храмовников:

„Господа храмовники — свиньи, — высасывают простой народ хуже, чем в дни Иоргена. Праздник Иоргена они превратили в сплошной отвратительный торг, прикрытый именем Иоргена. Сами они открыто глумятся и над плащом, и над храмовой невестой, и над евангелием Иоргена, а храмовых крестьян обдирают безжалостнее прежнего. Но пусть они берегутся!

В один прекрасный день он вернется и вновь притянет к ответу знать! Моряки дальнего плавания видели его в гавани, в кабачке; видели его сидящим на берегу и высматривающим корабли, а один рудокоп видел однажды вечером в сумерках странного человека, который сидел, устремив взгляд в сторону Иоргенстада...“

Коронный вор прошелся по обрыву, он был поражен тем, что услышал здесь.

Вино и ночная гульба развязали языки. Без числа сыпались обвинения на господ храмовников:

„Гросмейстер — лютый волк в образе человеческого. Главный капеллан—свинья; нынешнею зимою, на 71-м году своей жизни, изнасиловал пять крестьянских девушек, и они забеременели.

Брат его путем ложной присяги оттягал себе крестьянский луг, тот, что у мельницы. Казначей велел снести пятнадцать хижин крестьян-недоимщиков“.

Микаэлю становилась понятна вера проповедников, что Иорген должен вернуться, потому что должен же прийти кто-то покарать всех этих пакостников, кто-то чистый с великим и пламенным сердцем...

Горе, горе только, что нет никакого Иоргена, некому прийти, нет святых! Все—суеверие!

На башне Катрины пробило двенадцать.

Коронный вор стоял в толпе на лестнице Скорби. Речи замолкли. Все пели:

Придет день скорби лютой,
надежд крушенья час,—
и Иорген, наш заступник,
очутится средь нас!..

Пьяный парень в белом показался на лестнице и крикнул сильным голосом: „Вот я, святой Иорген! Бэ!“

Раскаты хохота, свалка... Собрание разошлось, но Коронный вор застыл в волнении. Вот как следует ему явиться! В образе вернувшегося Иоргена!

Микаэль знал, как—по народному представлению—должен явиться Иорген—в величии, в со-

знании своей силы и мощи... чтобы восторжествовать и отомстить... как сам Микаэль...

Да, он попытается!

Часы на башне Катрины пробили три.

Коронный вор стоял в священной роще перед белыми ступенями широкой „священной“ лестницы, на которую не смела ступить нога простого смертного.

Он перелез через решетку и взобрал на лестницу по самой ее середине. Повернулся лицом к площадке. Да... вот оно, место пришествия. Здесь должен появиться Иорген, потребовать их к ответу.

Но хватит ли у него силы?

Он стоял и раздумывал под свист ветра в роще. Он представлял себе площадку залитою народом. Поверят ли ему на слово? Или потребуют доказательств? Каких? Чуда. Чуда с плащом, разумеется. Исцеления потребуют все эти калеки и расслабленные...

Он сразу вспомнил о Франце и расхохотался:

— Будет им и пришествие, будет им и чудо. Годами травили его, как мошенника, завтра он разыграет новую роль. Ставкой будет жизнь; проигрыш означает смерть, а выигрыш—победу, месть, торжество!

Часы на башне Катрины пробили четыре.

Коронный вор прошел по луговине; рассветало, рядами лежали спящие паломники, тихие, недвижимые, как мертвые тела.

— Спите, спите себе! Завтра вернется святой Иорген!

„ПРИШЕСТВИЕ СВ. ИОРГЕНА“

День склонялся к вечеру.

Площадка перед храмом была запружена людьми. Все вытягивали шеи, чтобы видеть белые ступени ведущей на паперть священной лестницы.

Раздались три удара колокола.

Боковые врата распахнулись, и двое служек в красном беге сбежали по лестницам, неся в серебряных чашах угли, которыми разожгли благовонный ладан.

Гул пронесся в толпе. Многие привставали на цыпочки, чтобы лучше видеть.

Заиграла музыка.

Из боковых врат вышли девушки с большими цветочными корзинами и стали усыпать розами „священную“ лестницу. Лица у них были торжественные. Одна плакала. Все смотрели на них.

Толпа затаила дыхание. Звуки музыки сливались с вечерним щебетом птиц.

* * *

А господа храмовники в это время сидели в большой храмине. Их брили и облачали.

Слуги бегали с тазиками мыльной воды и с воротничками. Капеллану жал один сапог, и он рычал от злости. Гросмейстера порезали бритвой. «Свинья!» рявкнул он и дал цырюльнику пинка.

— Кадильницы зажжены? Пройдут ли, наконец, цветочницы на паперть?.. Поторапливайтесь, чорт вас подери!—кричал капеллан растерянным девушкам.

Одна из девушек опрокинула тазик с мыль-

ной водой на воротнички. Суматоха!.. Уронили три корзины с цветами прямо в мыльную лужу. Подскочили капеллан и Гросмейстер. Девушки разревелись. «Марш! Рассыпайте цветы!» Девушки стиснули зубы и выбежали в боковые врата.

Перед большим зеркалом стоял глашатай, которому предстояло сегодня вечером объявлять порядок праздника. Он твердил свои слова, записанные на бумажке; один слуга чистил ему передний зуб, другой штопал сзади лопнувшее трико.

А в роще напряжение ожидания достигло высшей точки. Ближе всех к лестнице стоял Франц на своих костылях.

Франц, наученный Коронным воров, трясся, как осиновый лист.

Грянул торжественный марш храмовников.

Боковые врата растворились опять, и величественным, мерным шагом вышли господа храмовники, в парадных плащах, расшитых драконами, и уселись на золоченые сидения.

Раздались звуки труб, толпа заволновалась.

— Главный капеллан прочтет главу о бегстве святого Иоргена,—прокричал глашатай.

Главный капеллан всегда возбуждал внимание своим могучим сложением, громовым голосом и бесстыдством. Не счесть было его любовных похождений; славился он и своим ростовщичеством. Жертвы свои обдирали, ухмыляясь; снимая с жертвы последнюю рубашку, отпускал на придачу шуточки...

Его встретили рукоплесканиями. Он поклонился, польщенный, и громогласно, картавя, сдобным голосом начал:

— Во дни оны,—читал он, нараспев,—великие мужи града сего вели жизнь поистине греховную...

— Как и сейчас!..—раздался тоненький голосок. И над толпой понесся шопот и фырканье. С трудом установили порядок, и чтение продолжалось.

* * *

А с холма Висельников в это время спускался в город путник в пыльной одежде пастуха, в широкополой шляпе и с посохом.

Это был Микаэль Коркис. „Теперь я святой Иорген,—думал он.—Итак, я возвращаюсь на родину после 300-летнего отсутствия“.

Он прошел мимо старой водокачки и остановился на пустой Иоргеновской площади, у садовой стены дворца Гросмейстера.

„Вот тут они воздвигли мне статую. Хорошо. Но город пуст. Верно, все у храма в ожидании выноса моего плаща“.

Так входил он в свою смелую роль, которую хотел разыграть в последний вечер своей жизни.

Солнце готово было закатиться за дальними горами.

„Бумага от герцога еще не получена“, подумал Микаэль.

Он зашел в подвал цырюльника и велел сбрить себе бороду. Пока его брили, он расспрашивал изумленного цырюльника о событиях, происшедших в городе 200—300 лет тому назад.

Цырюльник голову терял, и все слуги его столпились в дверях, провожая взглядами диковинного человека, который, расспросив о дороге

к храму, направился по Брачной аллее. Гладко выбритый, юношески красивый и властный, он поражал встречных своим необыкновенным видом и любопытством, с каким разглядывал дома и людей.

В третий раз зазвонил храмовой колокол в роще; через пять минут капеллан кончит свое чтение и—пробьет его час!

* *
*

Главный капеллан кончил. Собрание успело задремать. Теперь очнулось.

Грянули трубы.

Гросмейстер величественно встал и подал своим серебряным колокольчиком знак к тишине.

— Сейчас начнется!—шептали старые паломники.

— Ключарь!—возгласил Гросмейстер, — переданы ли золотые ключи от священной лестницы святого Иоргена?

— Гросмейстер, — был ответ, — ключи переданы.

— Хранитель лестницы! Отомкните, дабы явлен был народу святой плащ.

Затаенное дыхание... вытянутые шеи... лязг священных ключей о священную решетку...

— Гросмейстер, лестница отперта!

Движение и давка в толпе.

Гросмейстер выступил вперед и, махнув рукою, чтобы водворить тишину, возгласил:

— Итак, священный плащ святого Иоргена будет сейчас явлен всему народу — бесплатно. Кто же пожелает собственноручно прикоснуться к святыне, должен обратиться в контору и одно-

временно предъявить Иоргеновскую копилку с установленной лептой. Новые копилки с гербом храма можно приобретать там же сегодня и в течение двух следующих дней. — Отверзите же литые... Ах, да, пока не забыл: вы там, в задних рядах, не напирайте слишком на передних, когда вынесут плащ, дабы никто не пострадал в давке, как в прошлом году, когда нам пришлось отметить несколько увечий. Кроме того, ради сохранности священной рощи, управление строго воспретило в этом году взлезать на деревья. Сойдите же все!.. Итак, отверзите литые ворота храма!..

Музыка заиграла, священные колокола зазвонили.

Из сумрака храма вышли господа храмовники, все в белых одеяниях, словно мертвецы в сава-нах, в высоких золотых шлемах и с длинными золотыми копиями, неся на подставке сине-зеленый окровавленный плащ. Гросмейстер с воздетыми руками пал на колени.

И вся бесчисленная толпа пала на колени. Женщины громко рыдали, из глаз мужчин капали слезы.

Снова встал Гросмейстер и воскликнул:

— Святой, далекий странник! Услышь призыв наш: святой Иорген!..

— Я здесь! — неожиданно прозвучал ответ. Великое замешательство и смятение.

— Святой Иорген!!

— Я здесь! — раздался тот же голос, и какой-то человек проложил себе путь сквозь коленопреклоненную толпу.

— Святой Иорген!!! — проревел Гросмейстер, как разъяренный бык.

— Я здесь!—в третий раз отозвался Микаэль у самой лестницы. — Вы сберегли мой плащ? — И прежде, чем кто успел прийти в себя от страха, он уже очутился на священной лестнице.

Высокое собрание храмовников превратилось в бушующее море ярости. Крики и проклятия встретили дерзкого.

— Он осмелился взойти на лестницу!

— Он берет плащ!

-- Безумный пес! Разве ты святой Иорген?

— Плащ мой!—крикнул Микаэль.—Я святой Иорген! Я вернулся к вам!

— Лжет он!—завизжал Тобиас.

— Я лгу?—крикнул Микаэль.—Троньте меня, если смеете, собаки!.. Клянусь вам, если вы опять выгоните меня из города, как в последний раз, в брачную ночь мою, я камня на камне не оставлю от города!

— Это сам Иорген,—пролепетал Тобиас.

— Это его голос!—закричали другие.— Это друг бедняков!

Поднялся такой шум и ропот, что Гросмейстер на минуту растерялся.

Тогда вмешался главный капеллан, он оттолкнул Гросмейстера и крикнул толпе:

— Или вы рехнулись? Святой Иорген давно мертв и погребен!..

Микаэль очутился лицом к лицу с отцом.

— Я мертв?—крикнул он оглушительно, стиснул свой посох так, что костяшки пальцев побелели, и хватил им прямо по лбу капеллана. Посох треснул, а капеллан зашатался и отступил перед искаженным от гнева и ярости лицом Микаэля.

— Что же, мертв я?—наступал Микаэль с пеной у рта на оглушенного капеллана. — Или ты почувствовал теперь, что я жив еще, почувствовал, старый плут, седовласный прелюбодей!..

Старый Тобиае ринулся вперед, колотясь всем телом, словно его самого вздули:

— Если ты святой Иорген, дай нам знамение!

Выступил вперед, ковыляя, и Франц с криком:

— Знамение! Знамение!

— Бедный человек! — воскликнул Микаэль, обернувшись, и, словно задыхаясь от жалости, распростер над ним руки, затем коснулся его:

— Встань и брось костыли!

Все сердца, все языки остановились от изумления, глаза вытаращились: калека выпрямился на ногах, выпустил костыли... и заплясал в диком восторге:

— Я могу ходить! Я могу ходить!..

Буря ликования пронеслась по толпе.

— Он ходит! Он ходит!

Тут хлынули к лестнице калеки с клюками и костылями. «И меня исцели! И меня!» кричали они с мольбой Микаэлю.

— Не сейчас! — ответил он. — Подождите до завтра! Накинь на меня плащ, старый бездельник! — крикнул он прямо в лицо Гросмейстеру.

И, не теряя ни секунды, не давая растерявшимся храмовникам опомниться, Иорген крикнул в сторону Казначей и Секретаря.

— Эй вы, двое ослов! Живо приготовьте мне трапезу! Я пространствовал ради вас, бездельников, триста лет. А вы, две обезьяны, приготовьте мне омовение и постель! Остальные двое останьтесь здесь и ждите моих приказаний!

Со стороны храмовников слышались только растерянные:—Смилуйся, владыка! Смилуйся!— Зато толпа бурно выражала свое одобрение, видя, как высокомерные старые тираны сгибались перед властью молодого святого.

— Объявляю всем, — провозгласил он, — что ныне святой Иорген вернулся на родину и самолично вступил в управление своим храмом. В ознаменование же того, что я всех хочу обрадовать, слагаю все повинности, установленные в пользу храма, как бы они ни назывались; отменяю их отныне навсегда! Толпа, до сих пор гудевшая, вдруг смолкла. Как будто никто не смел поверить своим ушам. Тогда Микаэль махнул рукой и крикнул, словно перед ним были тысячи глухих:

— Вы свободны от всех оброков и барщины! Только теперь как будто поняли они. Восторг хлынул наружу; Иорген стоял наверху, в своей величавой позе, ожидая, когда шум уляжется.

Затем одна мысль смелее другой возникали в его голове.

— Затем повелеваю в течение трех дней звонить во все колокола в честь моего возвращения.

Новый взрыв восторга, и один из храмовников шмыгнул, чтобы передать приказ.

— Дальше: сегодня же вечером зажарить на площади целиком десять упитаннейших храмовых быков для угощения моих дорогих сограждан и гостей. Большую чашу на площади наполнить до краев самым крепким старым пивом из подвалов моего храма и выкатить по бочке лучшей водки для каждой корчмы в городе.

Последний храмовник с поклоном выскользнул исполнять приказы, а толпа разом грянула:

Иорген, наш заступник верный,
будь с тобою благодать!
Все мы в радости безмерной,
стар и млад пойдет плясать.
В круг! Гесней сомнем объятья,
дорогие братья!..

Не сморгнув стоял Микаэль, принимая поклонение. И последней его выходкой, рассмешившей его самого, было:

— Наконец, я с безграничным гневом слышу, что некий отчаянный разбойник, прозванный Коронным воров, осмелился проникнуть сюда, на мой святой праздник, как будто Иоргенстад опять стал пристанищем воров и грабителей.— И он обратился к Гросмейстеру:— Почему мое управление до сих пор не заключило негодяя в тюрьму?

Воцарилась тишина. Все головы повернулись к Гросмейстеру.

— Да неохота им ловить его, Иорген!— с живостью крикнул старый Тобиас.

— Отвечай! — прогремел Иорген к Гросмейстеру, который не мог произнести ни слова.

— Хорошо!.. Гросмейстер! Я повелеваю, чтобы этого негодяя немедленно разыскали! Пусть обшарят все харчевни, корчмы и погребки в городе! И горе вам, господа храмовники, если он завтра же не будет болтаться на виселице!..

— А теперь я устал от своего долгого странствия, хочу отдохнуть и омыться прежде, чем принять мою невесту.

— Завтра мы увидимся на стезе Искупления, когда мы с невестой моей поедем к источнику.

И там я исцелю всех вас, дорогие мои калеки и болящие!

Весь дрожа от сознания своей власти, вошел святой в храм, и тяжелые ворота закрылись за ним.

ТАЙНЫ ХРАМОВНИКОВ

Микаэль Коркис одержал победу! Но сердце его колотилось так, что он почти задохнулся. Все это напряжение, весь этот взрыв фантазии требовали нечеловеческого напряжения сил; теперь наступил момент слабости.

Пот сочился из его тела. Непреодолимые судорожные рыдания сотрясали его.

Слезы облегчили его, к нему вернулось самообладание, и он с удивлением осознал теперь, как легко дался ему успех.

Он в решительный миг действительно забыл свое настоящее и чувствовал себя владыкой храма, мстителем Йоргеном. Роль захватила его. Игра велась на жизнь или насмерть. Усумнись он в себе хоть на миг, он бы тотчас же проиграл всю игру...

Микаэль лежал и, смеясь, поглаживал свой вспотевший лоб. Перед ним всплыло лицо его отца, главного капеллана. — Он получил удовлетворение, сломал свой посох об этот наглый лоб.

Удалось!.. Ха-ха-ха! Удалось! Один за другим должны были согнуть перед ним свои спины все эти важные господа храма, отказаться от своего разума и пасть на колени!

Чу! Зазвонили колокола, все колокола его родного города, все до единого, звонко наперебой—

в честь него, в честь его возвращения... Звон их врывался внутрь храма, свидетельствуя, что Микаэль сдержал свое слово, „вернулся в силе и славе“, заставил свой медвежий угол приветствовать его флагами и звоном колоколов.

Микаэль протяжно и глубоко вздохнул, стер с лица последние следы слез, вскочил, взял светильник и поспешил в соседнюю келью, где ждали его омовения и трапеза.

Гросмейстер отправился домой—подготовить Олеандру. Остальные шестеро храмовников пгбывали в главной храмине, которую наскоро прибрали.

Цырюльники перевязали разбитое лицо капеллана, и их отослали.

Капеллан возлежал на камье, ослабевший, со слезящимися глазами, и потихоньку чертыхался.

Секретарь и Казначей стояли около него, понурые, потные, удрученные.

Возле двери в келью стоял, прислушиваясь, Хранитель лестницы.

— Скоро ли он соскребет с себя грязь?— яростно пробурчал капеллан.

— Тсс!— шикнул Хранитель лестницы, — он стукнул тарелкой.

— Стало быть, жрет,—выдохнул из себя капеллан.

— Слава богу,—перевел дух Секретарь, потирая руки,—стало быть, не настоящее привидение.

Казначей стал с негодованием порицать нерешительность Гросмейстера по отношению к пришельцу.

— Да что же было ему делать? — говорили другие. — Бросить его в тюрьму или выгнать из города?

— Он, однако, исцелил калеку и завтра исцелит остальных!

— Господи, помилуй нас! — вздохнул Казначей, думая о своих плутнях. — Что ему нужно от нас?

— Пожалуй, он прослышал о крупных суммах, собранных у нас в подвале, и захочет поселиться тут на всю свою жизнь?

* * *

Во дворце Гросмейстера подружки Олеандры, уже одетой в платье невесты, в последний раз пропели хором брачную песню и уселись, в ожидании свадебной колесницы.

— Да что вы все такие унылые? — спросила Олеандра. — Ведь не в могилу меня провожаете. Мы будем видеться. Я буду сидеть в своей келье под окошечком и кивать вам, когда вы будете проходить мимо.

— Да, но ты так молода и прекрасна, — зарыдала одна из подруг, — и обречена на безбрачие!

— Вытри глаза, дитя мое, — сказала Олеандра. — Я могу обойтись без такого счастья, как сидеть на коленях у молодых людей. Это великое счастье я охотно уступаю вам. Не желаю я никого рядом с собой.

— Это ты теперь так говоришь, — рыдала подруга, — а лет через двадцать...

— Через двадцать лет вы все будете ходить в перевалку, как домашние гусыни. А я буду

сидеть в своем храме, холодная, важная и свободная. Мой супруг Иорген стоит там, литой из бронзы, — она указала на статую, — и никогда не беспокоит меня своей навязчивостью или ночными визитами. Он мертв, как камень... если вообще жил когда-нибудь, — расхохоталась она.

В эту минуту все бросились к окошкам. Что случилось? Что там такое? Из роши доносились крики, громкие, ликующие, непрерывные крики... По Брачной аллее бежали люди и тоже кричали, как сумасшедшие, размахивали руками...

Что там случилось?!

И вдруг зазвонили во все колокола.

Прибежала опроретью кормилица, вся багровая, и прохрипела: «Св. Иорген вернулся! Св. Иорген вернулся!» Появился сам Гросмейстер, сумрачный и подавленный, и подтвердил, что святой вернулся и ждет свою невесту.

Над Олеандрой словно удар молнии разразился. Она смерила отца с головы до пят.

— Я ли сошла с ума или вы все вместе?

— Ты не хочешь?—спросил Гросмейстер, запинаясь.

— Ни за что!—возмущенно крикнула она и швырнула свой букет на пол.

— Но что же тогда? Что тогда?—заикался Гросмейстер.

В эту минуту к крыльцу подкатила брачная колесница, окруженная музыкантами... Густая толпа ожидала выхода невесты.

— Отец,—крикнула Роза, сестра Олеандры,— я его видела, надень на меня венок и вуаль... Я посмею!

— Роза! Роза!—в ужасе завопили подруги.

— Ты останешься здесь!—сказала Олеандра; ее всю передернуло.

Быстро повернулась она, выдвинула ящичек своего столика, вынула кинжал с рукояткой слоновой кости и спрятала у себя на груди.

— Дайте мне мой букет,—повелительно сказала она.

— Ты все-таки хочешь поехать туда?—спросил Гросмейстер.

— Да. Хочу видеть его.

— А, если... если... он св. Йорген?

— Я останусь с ним,—твердо проговорила она.

— А если он... обманщик?

— Тогда я, недолго думая...—сверкнула она глазами и указала на свой кинжал.

Вскоре по всему протяжению Брачной аллеи загремели приветственные клики. Это встречали Олеандру, ехавшую в храм.

Гросмейстер стоял на крыльце, с обнаженной головой, и глядел вслед дочери:

— Да что же... что же это такое, наконец?!

* * *

Коронный вор поел, выпил, омылся, потребовал у господ храмовников все ключи, и стал обходить храм в ожидании невесты.

Храм принадлежал ему. Он завоевал его... Только он не знал теперь хорошенько, что ему делать с этим завоеванием.

Пока не пройдут праздники, и паломники не покинут города, он, конечно, сумеет продержаться здесь. Но осесть тут в храме прочно,

в качестве пропадавшего без вести святого, трудно будет,—это он сознавал ясно.

Да и что в сущности было ему нужно еще? Он расправился с господами храмовниками, расквасил нос капеллану и одурачил весь город.

Чего же ему еще?

Он взял фонарик и обошел весь храм—все кельи и углы.

Спустился в подвал, под своды... У! Что за холод, сырость и плесень! Ряды боченков и бочек с вином и медом. Пол весь покрыт застоявшимися лужами пролитых напитков.

А что это валяется? Старая, насквозь промокшая и пропахнувшая спиртом тряпица. Он поднес ее к фонарю. Это был лоскут старого священного Йоргеновского плаща, кончивший свое „чудотворное“ существование половой тряпкой в винном погребе храма.

Тысячи тысяч людей некогда преклоняли перед этой тряпицей колени, целовали ее, совершали паломничество, чтобы только взглянуть на нее, жертвовали свои жалкие, кровные гроши за право прикоснуться к ней... и вот!.. какое безграничное издевательство над слепой толпой!

Он вступил в казнохранилище. Здесь сложены были груды серебряной утвари, принесенной в дар святому плащу: подсвечники, лампы, блюда, чаши и кубки — огромный, драгоценный клад. И два боченка золотых монет.

Это были капиталы св. Йоргена.

На сотни верст кругом грабили и обманывали простой народ, дурачили с самой хладнокровной наглостью. Потом народа покрыто это серебро и золото, которое растаскивали себе церковники.

С большим трудом открыл он старинный шкаф замечательной работы... Так и есть! Там висело два новеньких Йоргеновских плаща, окропленных кровью и со всеми прочими знаками, готовые к употреблению. Сердце Коронного вора застучало.

Он тяжело перевел дух и вошел в комнату, где должны храниться подлинные свидетельства об Йоргене, старые рукописи.

Он стал рыться в бумагах, но ему попадались только отчетные ведомости, залоговые свидетельства, заемные письма, купчие крепости, квитанции, карты, планы, счета за храмовые трапезы, еще купчие и еще долговые обязательства... все с приложением знаменитой печати храма, на которой отгиснут был плащ и семь крупных орлов.

Умные глаза Микаэля засверками холодным, острым блеском. Так и надо было думать, так, он порою и думал! Храм св. Йоргена был попросту крупным торговым предприятием по надувательству верующих. Хорошо же, он нанесет им всем такой удар, от которого они не скоро оправятся!

Он поднялся на башню, где двое старых пьяниц-звонарей, чертыхаясь, дергали за веревки и посылали сквозь слуховые окна торжественный звон, создавая религиозное настроение в улицах и переулках и внутри домов.

Ночной воздух освежил его.

На площади весело пылали костры.

Ну, на этот раз это он—Коронный вор вырвал народ из когтей семи крупных орлов.

Вдоль Брачной аллеи люди стояли стеной; всем хотелось видеть, как проедет в храм невеста, окруженная факелоносцами и подругами.

Сначала Микаэля раздражала эта комедия с невестой, она была ему некстати. Но затем она стала забавлять его, а когда он узнал, что невестой была Олеандра, благородная дочь самого Гросмейстера, в нем заискрилось злорадство: „Пусть еще и это проглотят они в чаши своего горького унижения! Господа храмовники обсеменили бедный род его простодушного деда,—стало быть, будет простою справедливостью, если он в воздаяние смешает свою кровь с кровью гордой дочери Гросмейстера, чтобы скрещение было полным“.

На Иоргановской площади зазвучала музыка -- флейты и колокольчики, раздался гром приветственных кликов. Брачная колесница тронулась.

„Пусть явится невеста,—думал Микаэль, сжимаемая кулаки,—пусть явится! Сегодня ночью, милый дед, твоя бедная кровь получит удовлетворение за весь позор и темные дни. Мы сегодня ночью сделаем Гросмейстера дедушкой!“

За рощей уже гремела музыка, когда задняя дверца отворилась, и в храм шмыгнул Франц, вне себя от радости, но, как полагается вору, осторожный. Он бросился обнимать Коронного вора, заливаясь смехом, и заплясал с ним по празднично разубранной, освещенной храмине.

Франц имел огромный успех со своим исцелением. Всем хотелось подойти и пощупать его исцеленную ногу и угостить его, так что он был уже изрядно под хмельком.

Чудо бросилось ему в голову и заставило его возомнить о себе до того, что он потерял последний свой умишко. Теперь, по его мнению, им нужно было сегодня же ночью вломиться в казнохранилище храма. Там должно быть девять

бочек золота! Глаза Франца горели от жадности. Четыре пусть берет себе Коронный вор, а пять пойдут ему, Францу!

Микаэля охватило отвращение. Он был уже у самой цели, план мести был задуман широко, как вдруг из прошлого вылезает эта тупая башка, которая не в силах представить себе ничего, кроме того, что вор должен крепко держаться за вора.

Он попытался образумить Франца. Невозможно. А брачный поезд уже близко! Микаэль должен остаться здесь? Ладно, так и Франц останется. Храм столько же принадлежит ему, сколько Микаэлю... и плащ тоже!

В конце концов, он преисполнился такой зависти, что сдернул с Микаэля плащ. Миг—и оба покатались на пол. Но Микаэль был более гибким и ловким. Он сдавил пальцами глотку Франца, и Поджигателю пришлось сдаться.

— Но, берегись ты, Коронный вор!—крикнул он.—Берегись завтра, если дорожишь жизнью. Я стану у тебя на дороге, куда бы ты не поехал. Жизнь твоя в моих руках! Одумайся к завтраму. Я стану на твоей дороге. И стоит мне указать на тебя пальцем, как ты заболтаешься на виселице—хотя бы и мне пришлось повиснуть рядом!

Он скрылся.

Микаэль остался один, возмущенный, распыленный.

„Делить победу с ним! С этим бандитом! Пусть Франц завтра выступит против него! Пусть, если посмеет“.

Флейты зазвучали совсем близко. Невеста вышла из колесницы и подымалась по лестнице под пение хора девушек.

Невестой была самая гордая из девиц его родного города. Подругами невесты были дочери знатнейших граждан города. Флейты пели, колокола звонили, факелы пылали, и паломники ликовали.

Это был его праздник после жизни, полной горечи и всякой мерзости. Это был час удовлетворения,—час такой славы и такого блеска, о каких Микаэлю никогда и не снилось.

Подруги невесты стояли в храмине, окружая Олеандру, и пели.

Иорген вышел из своей кельи и остановился в дверях, скрестив руки, слушая с улыбкой.

Мысль его усиленно работала.

Первый же взгляд он метнул на Олеандру.

Ого! Он ожидал увидеть краснеющую, готовую упасть от волнения юную невесту. А перед ним стояла умная и уверенная в себе молодая девушка, бледная, решительная, в уборе невесты, но с парой умных, пытливых глаз, которые зорко и спокойно наблюдали каждую черточку его улыбки.

Он мгновенно перевел свои глаза на юных, смущенных девиц; те продолжали петь и лишь украдкой поглядывали на него из-за голов друг друга, но, встретив его пристальный взгляд, тотчас же, краснея, отводили глаза или опускали их.

Зато взор Олеандры, твердый, гордый, испытующий, не отрывался от его лица. В ее глазах светилось сомнение, спокойное, холодное сомнение,—единственное, чего он страшился.

По окончании пения он приветливо обошел всех девушек, поблагодарил их, затем проводил их до дверей, попрежнему чувствуя на себе упорный взгляд двух недоверчивых серых глаз.

Дверь захлопнулась, храм закрыли, Микаэль и Олеандра остались одни... И Микаэль уже обдумал, как действовать. Он прошел к себе в келью, мимо выжидавшей, настороженной Олеандры... затем вернулся в длинном белом праздничном одеянии храмовников, спокойный, непроницаемый, и низко склонился перед своей знатной невестой.

— Ваша святейшая милость!

Олеандра вспыхнула, впервые услышав свой новый титул, и в первый раз опустила глаза.

— Ваша святейшая милость!.. Моему страстию в теле человеческом скоро конец... к счастью!..

Она быстро взглянула на него, на этот раз с удивлением. Что он—святой или обманщик?

— Ваша милость! Жестокою несправедливостью потерпел я некогда на этой самой горе...

(Но... стало быть, это сам Иор...?!)—подумала она невольно.

— И если я вновь, невзирая ни на что, посетил свой родной город, то лишь ради восстановления чести моей и моего рода—прежде чем завершен будет путь мой...

— Честь эта будет восстановлена тем, что семья мое останется жить после меня в чести и славе, внедренное в самую знатную здесь породу. Вот зачем я вызвал вас сюда сегодня вечером. Ваша милость должна стать матерью нового рода, который пойдет от меня, и тем дать мне полное удовлетворение, чтобы я спокойно мог отойти из этого мира, зная, что поругание мое искуплено и в семени моем восстановлена моя честь.

Бледная, как смерть, глядела Олеандра, не отрываясь, в эти твердые глаза. Не было ни малейшего сомнения в том, что слова его — глубокая правда. Она стояла лицом к лицу с самим Иоргеном, некогда так жестоко здесь оскорбленным.

— Ваша святейшая милость поняла мои слова?

— Да, — хрипло прошептала она. Колени у нее подгибались, вся ее самоуверенность и твердость как-то растаяли.

— И ваша святейшая милость готова возвеличить мое семя и стать матерью рода, который пойдет от меня?

Ее губы беззвучно зашевелились.

Он продолжал глядеть на нее в упор.

— Да, — прошептала она.

Глаза ее закрылись, голова поникла...

Микаэль тихо подхватил ее, с чувством бережной нежности к этой гордой душе, не выдержавшей борьбы, и, целуя ее, он шепнул ей на ухо:

— Олеандра, кровь твоя вольется в род мой. Твой образ возродится в моих потомках. Дай им смотреть на свет твоими умными глазами, дай им быть сильными твоим сильным духом!

* * *

Весело светило утреннее солнце в Брачный покой.

Коронный вор проснулся.

Приподнялся и долго смотрел на спящую Олеандру, спокойно и ровно дыша своей широкой грудью с красной татуировкой над самую подложечкой. Рисунок изображал восходящее

солнце. Это была память дней его веселой вольной жизни в молодости, среди акробатов. Маленькая китайка осторожно выпарапала на его теле этот рисунок острыми инструментами.

Но теперь китайка была забыта. В его дикой, бродяжьей натуре пробудилось что-то новое, забилась горячая нежность к ней одной, к этой, спящей так доверчиво около него, храмовой невесте.

И Олеандра проснулась. Она смотрела и улыбалась, счастливая, полная нежного доверия, смотрела на него, сидевшего над нею — с таким забавным, при полном дневном свете, ярко-красным солнцем на могучей груди, над самой подложечкой.

— Иорген, — прошептала, наконец, Олеандра.

— Да?

— Мне надо сказать тебе что-то.

— Так говори.

— Иорген...

— Ну?

— Я думала вчера, что ты обманщик.

Микаэль вздрогнул. Она не поняла и с мольбой прижалась к нему.

— Не сердись, Иорген. Слышишь! Не сердись! Я не могла не признаться тебе в этом.

Ее серые глаза, вчера такие испытующие, холодные, сияли сегодня светом веры и сердечной теплоты.

В ту же минуту над самой головой у них зазвонили колокола храма.

Коронный вор вскочил, как вспугнутый олень. Этот звон заставил его опомниться. Он предвещал для него наступление мрака, мести, расплаты за эту нежность, за неожиданное счастье.

— Невеста храма! Спасибо за ночь! — крикнул он, поцеловал Олеандру и спрыгнул с теплого ложа.

— Иорген! — испуганно воскликнула она, села в постели и впилась в него взглядом, как бы пронизывавшим его до самого мозга костей. — Ты уже уходишь?

— Как долго я останусь, я еще не могу сказать тебе.

— Куда бы ты ни пошел, я за тобой! — воскликнула она с бьющимся сердцем.

— Тебе это не по силам, — сказал он.

— С этих пор мне по силам одно: быть с тобой! — ответила она.

Буря пронеслась в душе Микаэля. Голова его кружилась.

Он зорко, пытливо взглянул на нее.

Может быть, довериться ей?..

Но затем здравый смысл одержал в нем верх. Нет, где же ей понять это, этой grosмейстерской дочке! Она ведь любит Иоргена и преклоняется перед святым, а не перед ним, Микаэлем!

Быстро и весело накинул он на себя плащ Иоргена. Смело вперед, при полном дневном свете — чем бы это ни кончилось!

— Можно мне с тобой, Иорген? — спросила Олеандра, бледная, застывшая.

Он быстро обернулся к ней.

— Куда хочешь и пока хочешь, моя прекрасная.

Лицо ее просветлело. Она откинула плащ с загорелой груди и поцеловала красное солнце, сиявшее на ней.

УТРО „СВЯТОГО“

Растворились большие ворота храмового двора. Попарно вышли оттуда и двинулись мерным шагом, под звуки скорбного марша, все храмовники в изодранных одеждах, с посыпанными пеплом главами. А за ними на высокой золоченой, запряженной четырьмя священными белыми быками, храмовой колеснице — сам св. Иорген со своей невестой.

Паломники не жалели себя. Кричали и орали, приветствуя св. Иоргена и его знатную невесту, золоченую колесницу и священный, обрызганный кровью шелковый плащ на его плечах.

Из храмовой рощи процессия прошла через площадь с позорным столбом. Площадь была битком набита народом. Никто не слушал музыки, все глаза глядели в одном направлении — на колесницу.

А на колеснице, высоко над всем этим морем благочестия и восторгов, восседал, рядом с Оландрой, увенчанной миртами, Коронный вор, с улыбкой кивая на все стороны. Все его нервы трепетали от напряженно-настороженного внимания, а сердце смеялось и прыгало от прилива самой плутовской, насмешливой радости.

На колеснице, сзади, положены были и два боченка с золотом; Коронный вор захватил их на всякий случай, хотя опасности и не предвиделось пока. Священный плащ на его плечах служил ему щитом, и знатнейшая девица города сидела рядом с ним своего рода заложницей; все ведь знали, что он провел с нею ночь. Могуще-

ственнейшие господа и владыки города, присмирившие, понурые, плелись перед его колесницей.

Коронный вор привык играть и быть на виду, как всякий священник или актер. Поэтому он был спокоен, только щурился и нежился, как кот, на солнце. Кроме того, он видел, что в этом реве толпы не было ни одной сознательной ноты, что все это ослепление и дурман.

Напротив, Олеандра была взволнована, растрогана. Грудь ее дышала усиленно и неровно.

Такой тысячеголосый гул и рокот, такая масса простаков, такое множество орущих глоток захватили ее, подавили, убедили. Она ехала в чаду блаженства. Это был величайший час в ее жизни. Крупные слезы катились по ее щекам.

Процессия завернула в Розовый переулок, родной переулок Коронного вора, которого он не видел с тех пор, как был изгнан из города подростком. Опасность быть узанным грозила ему здесь все сильнее. Процессия двигалась своею обычною дорогою, мимо дорогих старых, столь знакомых ему порогов и окошек.

Вон стоит старая Лотта с выпяченной губой и плачет.

Вон и одноногий токарь, ожиревший, почти тельно умиленный, в кругу своих домочадцев.

А вот...

Сердце Коронного вора забилося горячо, судорожно... Вон на самом завороте Розового переулка садик с розами. Старый трясущийся старик идет по садику... Его ведет седая женщина... Это они. Он и она. Дед и мать. Коронный вор глядел прямо перед собой. Узнают они его? Ужаснутся? Опустят руки? Без слов воззрятся на знакомое

лицо и прочувствуют весь скандал?.. Коронный вор кланялся на все стороны, улыбался, сиял, не переставая следить за теми двумя. Вот они протянули руки... и — о, как это гадко, печально, отвратительно!.. Старик опустил на колени. Его старый дед, единственный, благороднейший, умнейший из всех, кого он знал...

— Сподобился-таки и я, грешный, узреть его! Самого святого Иоргена! — плакал старик. — Узреть чудо на земле! Не даром, стало быть, прожил на свете.

Урсула, мать Микаэля, рыдала так, что плечи ее вздрагивали, и тоже на коленях простирала руки к нему, к святому, торжественно проезжавшему по их бедному переулку.

Коронный вор успокоился. „Сойдет! Сойдет“, кричал ему внутренний голос. Даже мать не узнала собственного сына. Так густа была религиозная пелена, лежавшая у всех на глазах.

Процессия свернула на дорогу храмовников.

Там, впереди, где высилась на площади статуя святого, ждало новое море кричащих, кивающих голов. По всему склону стояли густые толпы. А за ними, на холме маячила виселица.

Около самой статуи стояла телега, облепленная паломниками; выше всех взобрался Франц и сторожил приближение процессии, распаленный яростью...

Нос у Коронного вора как-то заострился и пожелтел, словно клюв хищной птицы.

„Ну-ка, ну-ка, милый Франц! — думал он. — Если затея твоя сорвется, я полюбуюсь, как вытянется твоя физиономия. А если удастся — полюбуюсь, какие рожи скорчат все прочие. Каково-то

будет этим идиотам **узнать**, кого они катали на храмовой колеснице! **Горька** им покажется эта пилюля, но поделом **им**. **И я** от всего сердца желаю, чтобы им эту **пилюлю** преподнесли, хотя бы они потом **разорвали** меня самого в клочья... Ну-ка, ну-ка, милый **Франц!**“

С налитыми яростью глазами, всклокоченный стоял Франц на телеге, вытянувшись и перегнувшись вперед... И вдруг, потрясая кулаком в воздухе, необузданно заревел:

— Ну? Сдаешься? Сдаешься? А? Сдаешься, Коронный вор!

Но голос его утонул в могучем разливе народного хора:

Свой народ посетил святой Йорген!..

И выше всех сидевший, улыбающийся Коронный вор послал быстрый, как молния, насмешливый взгляд своему разжалованному приятелю.

Но отчаяние придало голосу Франца силу трубного звука.

— Коронный вор!—заревел он с искаженным лицом, с ненавистью, тыча кулаком по направлению к св. Йоргену.

Возглас привлек внимание, вызвал изумление, и среди разлива пения образовался все растущий островок изумленного молчания и смущенных вскриков: — Коронный вор? Коронный вор?—Все больше и больше ртов с переимчивостью обезьян повторяли эти слова:—Коронный вор? Коронный вор?

Хоровое пение продолжало развиваться по переулку и по дороге, до самого обрыва над источником; но на площади, вокруг этих двух, водворилась странная, полная замешательства, тишина.

И, как двое канатных плясунов, стоящих друг против друга на тонкой проволоке, — обменялись новым взглядом Микаэль и Франц.

И вдруг народ увидел, что св. Йорген, решительно встав с сидения колесницы, остановил процессию мановением руки и, приставив ладонь к уху, обернулся в сторону дико рычащего человека на телеге с ласковым вопросом:

— Что надо этому человеку?

Вся площадь замерла. Все вытянули шеи и воззрились на Франца, а он бестолково отрубил:

— Я спрашиваю, где Коронный вор?

— Коронный вор! — воскликнул св. Йорген и с быстротой молнии обернулся к воззрившимся на него храмовникам. — Разве этого, плута еще не поймали?

Франц до смерти перепугался, как бы Коронный вор не выскользнул у него из рук.

— Ты спрашиваешь, — зарычал он с новой силой, — где Коронный вор? Ты не знаешь?

— Так я вам скажу! Скажу! — завопил Франц, обращаясь к толпе.

— Говори же, наконец, если знаешь! — крикнул св. Йорген с досадой.

— Вот он! — закричал Франц, с хохотом указывая на облеченного в плащ св. Йоргена. Трепет ужаса и сомнения пронизал сердце Олеандры и всей толпы.

Но св. Йорген с тою же молниеносной быстротой обратился к Гросмейстеру и, указывая на него пальцем, крикнул с насмешкой:

— Ага! Господин Гросмейстер! Это я вас должен благодарить за такую сценку?

Олеандра вздохнула с облегчением. Гросмейстер был так ошеломлен, что чуть не опрокинулся навзничь, а св. Иорген продолжал кричать на него:

— Господин Гросмейстер! Я на вас возлагаю ответственность за эту сцену. Но берегитесь, говорю вам. В последний раз вы меня изгнали из города камнями. Вчера хотели бросить меня в тюрьму, а сегодня вы меня шельмуете. Когда же вы, наконец, успокоитесь?

И вдруг вонзил пронзительный взор в оторопевшего Франца.

— Боже великий! Что я вижу!—И он оглядывал его со страстной настороженностью охотничьей собаки.—Стража! Схватить этого человека! Да крепче держите его, чтобы не убежал! Живо!

— Пустите меня!—выл Франц, стиснутый дюжими руками стражи.—Клянусь...

— Отверните ему правый рукав!—приказал св. Иорген.

Франц отчаянно сопротивлялся.

— Есть на нем клеймо?

— Да! Да!—задыхаясь, кричала стража.

— Я догадывался. Синее? Отвечайте.

— Да! Да!—отвечали стражники, возясь с Францем.

— Синяя змея?—напряженно кричал святой.

— Синяя змея!—вопила стража.—Как раз!

— Он заклеямен. Осмотрите его щиколотки. Нет ли язв от старых кандалов?

— Есть, есть!—кричали стражники.

— Так стерегите его крепче крепкого!—кричал святой.—Это Коронный вор! Это он сам, лукавая змея!

— Это Коронный вор, — пронеслось по рядам, — и кто в ужасе пятился, кто лез напролом вперед, чтобы увидеть знаменитого вора, и так как лишь самые передние ряды слышали разоблачения Франца, то во все стороны пронесся слух, что св. Йорген сам остановился и открыл в толпе Коронного вора.

— Он исцеляет калек и карает преступников! — раздавалось в народе.

— Держите его, — кричал святой. — Свяжите, крепче свяжите, что бы он там ни болтал, ни делал со своей дьявольской изворотливостью. Ведь сколько раз слышали вы: Коронный вор в тюрьме. И сколько раз эта весть сменялась другой: Коронный вор опять бежал.

— Повесить его! — завизжали мальчишки, торгующие плащами.

Для них не было лучшего удовольствия, как обрывать ножки у пауков и смотреть, как дрыгает ногами повешенный.

И тут обезьянья порода сказалась во всех сразу:

— Повесить его! — завопили все со все возрастающим возбуждением.

— Хорошо! — воскликнул св. Йорген, дав крикам достигнуть внушительной силы.

Ему нужно было, чтобы сам народ потребовал казни.

— Вы сами его осудили! Стража! Отвести этого человека тотчас же на виселицу и повесить! А мы выйдем из колесницы и спустимся к источнику, чтобы омыть руки свои в святой воде. Вперед, мои добрые господа храмовники!

И балдахин снова заколыхался, и музыканты и храмовники двинулись дальше.

Но едва Иорген помог своей невесте сойти с колесницы, как начальник стражи почтительно доложил св. Иоргену, что Коронный вор требует суда.

Святой был несколько озадачен.

— Суда?—воскликнул он.— Да вы же осудили его!

— Да! Да!—закричала толпа, но некоторые впали все-таки в раздумье и заговорили о правосудии.

— Хорошо,—громко сказал Иорген.— Мы не откажем ему в земном правосудии. Приведите его: мы допросим Коронного вора основательно и беспристрастно.—Иорген велел привести к себе связанного Франца.

ЗЕМНОЕ ПРАВОСУДИЕ

Франц стоял перед Михаэлем, со скрученными за спиной руками, всклокоченный, запыхавшийся, в поту и в крови.

— Ведите меня в суд!—злбно кричал он.

— Твои судьи здесь!—сказал святой, обводя рукой вокруг и указывая на толпу.

— Пусть меня передадут в руки властей!—с отчаянием выкрикивал Франц.—Земных властей!

— Я—власть земная. Я теперь владыка храма. Я—земное правосудие. Если ты хочешь признаться в чем-нибудь, прежде чем тебя покарают, то говори.

Франц оглянулся вокруг. Все — в руках Коронного вора. Ни проблеска надежды ниоткуда. Он смирился и попросил тайной беседы со святым. Иорген велел страже отойти назад, а толпе по-

даться в стороны. На время Франц и Микаэль остались как бы наедине. Франц начал потихоньку горько пенять товарищу.

— Ты сам вляпался, дружок! — сказал Коронный вор.

— Помоги мне! — стонал Франц.

— У тебя были крупные козыри на руках, но ты не сумел повести игру.

— О, Коронный вор! Милый, славный Коронный вор, смилуйся!

— Я переменял имя, Франц! — сказал Микаэль. — Меня зовут теперь святым Иоргеном. Надеюсь, ты будешь с этим считаться.

— Милый, добрый святой Иорген, возьми себе хоть все девять бочек золота из храма! — хныкал Франц.

— Спасибо тебе, Франц, за дружеское предложение, — сказал Коронный вор. — Но там девяти бочек не было. Это религиозное самовнушение, прекрасная легенда. Там было всего два боченка, и оба они лежат на моей колеснице. Господа храмовники плуты почище нас с тобой!

— Не повесишь же ты старого товарища по ремеслу! Неужели повесишь? — плакался Франц.

— Я сделаю это во всяком случае без всякой злобы, Франц, — сказал Коронный вор, ласково глядя на Франца.

— Повесишь? Повесишь!? Нет! Нет! Милый святой Иорген! Неужто тебе не жаль меня? Ведь жаль?

— Как не жаль, старина. Очень даже жаль. В тебе, на мой взгляд, много хорошего, Франц. Но ведь надо же считаться с обстоятельствами. И ты сам своей неловкостью поставил меня

в такое положение, что либо я должен повесить тебя, либо меня самого повесят. Выбор затруднителен. Дай мне совет, старина. Как бы ты поступил на моем месте?

— О, Иорген, святой Иорген...

— Не правда ли? Так будет всего благоразумнее с моей стороны. Таким путем я сам наверняка спасусь сегодня, а ты избежешь всяких неприятностей в будущем и можешь наплевать на герцога с его дикими конями.

Слова застряли у Франца в глотке от страху, и он уставился полубезумными глазами на север, где вздымалась виселица.

— И ты способен... на такое дело... ты способен...

— Ну, будь же молодцом, старина, и не вешай носа, — сказал Коронный вор. — Ты ведь знаешь, что я больше всех огорчен всей этой историей. Слышишь? Знаешь, как я высоко ценю тебя, старина, и готов бы сделать для тебя все возможное, поддержать тебя до конца. Ах, вот мысль: я велю проводить тебя на виселицу с музыкой. Ты всегда страсть как любил духовую музыку. А теперь, прощай, дружище, и вытри глаза. Право, не из-за чего плакать! — Стража! Я отпустил грехи этому великому грешнику. Отведите же его на виселицу и захватите с собой трубачей. Пусть они по дороге дудят ему в уши псалмы для спасения его души. И трубят вовсю, когда вы станете вешать его.

Поджигатель беззвучно шевелил губами, с беспомощным ужасом уставясь в попрежнему участливое, приветливое лицо Коронного вора.

До этой минуты у него все еще было какое-то смутное представление о земном правосудии,

с которым, правда, он всегда был не в ладах; и о дружбе, что есть все-таки вещи, на которые друг не может решиться по отношению к своему другу. И вот, земное правосудие готово было осудить его на смерть, как Коронного вора, и судьей был не кто иной, как его же друг, Коронный вор, который с улыбкой посылал его на казнь.

Стража под ликование толпы поволокла его вниз к водокачке и оттуда по тропе Палача к виселице.

В первый раз в своей жизни сказал он правду, и за это его повесят, повесят под звуки псалма!—Что же это за мир висельников и стертников?—Слезы хлынули из глаз Франца.

В последние пять минут своей жизни Франц пережил все горчайшие муки, которые достаются всегда на долю говорящим истину; он безнадежно выкрикивал истину, заглушаемую восторженным ревом, выпускаемым религиозно-умиленным народом от всей полноты сердца.

— Он сам Коронный вор! Он сам! Он сам!— Франц плакал и вопил, с мольбой глядя на утренний серп луны на северо-западе, над виселицей.

На встречу ему неся хохот, семь полупьяных трубачей заглушали его крики своим торжественным псалмом, а его силою волокли к виселице.

И последний крик его, когда его вздергивали на веревке, был заглушен веселыми звуками труб и тысячеголосым восторженным, задушевым:

Свой народ посетил святой Йорген,
И всем бедствиям нашим конец!..

Господа храмовники совершили обряд покаяния и омовения рук в источнике Иоргена. Отпели и отмолились по всем правилам, покропили вокруг, как полагалось, и, наконец, сняли с себя покаянное вретище.

— Но что же дальше? — шепнул Секретарь.

— Чорт его знает! — сердито буркнул Казначей. — Надо спросить у Иоргена.

— Кто же посмеет спросить у него? — пробурчал Гросмейстер.

Они тихонько бормотали между собой, искоса поглядывая то на Иоргена, стоявшего одиноко наверху обрыва (бог весть, что у него вообще на уме?), то на невесту, остававшуюся возле колесницы, в кругу взволнованных, выпрашивающих, смеющихся подруг.

— Пошлите к Олеандре, — шепнул Хранитель плаща. — Она, верно, знает. Или пусть она у него спросит.

Все одобрили это предложение, и одного из служек послали к Олеандре.

В эту самую минуту примчался во всю прыть вестовой герцога с запечатанною грамотой.

Гросмейстер вяло вскрыл грамоту, прочел... остолбенел...

— Что это?! — перечитал вновь. — Грамота... Приказ об аресте Коронного вора!!

— Мы же повесили его, — сказал капеллан.

— Тут говорится о двух ворах, — сказал Гросмейстер. — Грамота дрожала в его руках, и он был вообще так перепуган, что управление окружило его с единодушным требованием: — Читайте, читайте!

— Франц Эриксен, по прозвищу Поджигатель... Рост... Одежда... Особые приметы: синяя змея на правом предплечьи...

— Но ведь это же был Коронный вор, — зашептались изумленные храмовники.

Подошла Олеандра, лучезарная, радостная, с большим букетом в руках.

Но управление сгрудилось около Гросмейстера, который продолжал читать сдавленным от ужаса голосом:

— Микаэль Коркис, прозванный Коронным вором, незаконный сын Урсулы Коркис, дочери звонаря в Йоргенстаде... Особые приметы: красное солнце на середине груди...

Олеандра слегка вскрикнула, и пальцы ее, словно железные, впились в руку отца. Она вся дрожала...

— Красное солнце... Ради бога... у кого... у кого?

В лице ее не было ни кровинки, под глазами выступили синие круги.

Гросмейстер, в свою очередь, быстро схватил ее за руку и зашептал:

— Что с тобою? Мы говорили о Коронном воре... Отвечай! Красное солнце на груди... Ты его видела?

— Я его целовала, — прошептала она беззвучно и упала на руки отца.

* * *

Подбежали подруги и понесли бесчувственную невесту тропею Скорби ко дворцу Гросмейстера, а храмовники застыли на месте, как пришибленные, глядя в глаза друг другу.

Ряд бурных чувств пронизал затем их души.

Прежде всего — бесконечное облегчение: это не привидение, не сверхъестественное существо. На

самом дне души у них все время копошилось сомнение, но боялось даже поднять голову. А теперь какое огромное облегчение! Они снова вздохнули полною грудью, распрямились, исполнились прежней самоуверенности и властности. Всего на все вор. Обыкновенный смертный.

Во-вторых, досада и любопытство. Микаэль Коркис! Из Йоргенстада! Сын дочери старого Коркиса, бывшей любовницы капеллана. Вот наглый бездельник! Это ведь он когда-то явился к самому капеллану и сказал:—Ты ведь мой отец!—Весь город тогда только об этом и говорил. Вот было хохоту... Капеллан то багровел, то желтел в лице, поглядывая налитыми кровью глазами на свой отпрыск, там, на обрыве. Бездельник! Негодяй! Оборвыш!

В-третьих, безмолвное недоумение: как же это они могли поддаться такому наглому шарлатанству, дали провести себя за нос такому червяку, уличному мальчишке.

Допустили его водвориться в храме, спать с храмовой невестой, носить священный плащ? Он и сейчас на его плечах. Позволили ему тиранить их всех и забрать власть над религиозно обработанным стадом народным?

Далее бешеный гнев при мысли обо всем, что было теперь непоправимо испорчено, разрушено, втоптанно в грязь этим бесшабашным плутом.

Затем—полная растерянность: как же теперь быть, что делать? Нечего было делать. Они везли его колесницу по улицам. Он публично разбил нос главному капеллану. Ругался над ними всеми и официально спал со знатнейшей девицей в городе. Ничто и никто не даст удовлетворения за

весь этот позор ни им, ни ей. А он стоит себе на обрыве, молодой, властный, владыко дня и праздника, и они в своей растерянности даже не догадываются, чего он хочет еще? Как доведет свое приключение до конца?

И, наконец, чувство искреннего, почтительного, изумленного преклонения перед этим знаменитым, необыкновенным шарлатаном.

Да, их преклонение перед ним было полно и безусловно у всех, кроме Гросмейстера. Он решительный был человек, твердо стоящий на почве действительности; довольно было с него религии на этот раз.

— Ни с места!.. Ни слова!..—шепнул он.

И храмовники застыли в ожидании.

Кабаньи глазки засверкали, щетина на голове стала дыбом.

— Ради всего для вас святого, не пророните ни слова! Никакой спешки! Он ловок и пронырлив. Предоставьте его мне! Иначе погибнет честь города и храма.

Коронный вор замечтался на обрыве, глядя на полет лебедей высоко над горой.

Он поддался настроению, загрузил.

Но при этом болезненно, с грустной остротой воспринимал каждую мелочь в развертывающейся перед ним пестрой картине.

Еще издали заметил он и со спокойным вниманием наблюдал конного вестового герцога, мчавшегося во всю прыть с грамотой.

Он сразу понял, что эта безделица перевернет все.

Скрестив руки, стоял он и с любопытством следил за тем, как пробирается вестовой сквозь

густые толпы. Видел, как усталый Гросмейстер принял и прочел грамоту. Видел столбняк храмовников и, наконец, обморок Олеандры.

Он так и думал! Ее любовь растет вместе с ореолом его святости... Глупышка!

Теперь они узнали, кто такой св. Йорген. Час его пробил.

Но ни следа страха смерти не было в его душе. В ней была такая тишина, как в осеннем лесу, отжившая листва которого рада опасть, облететь. Он достиг своей цели,—великой цели своих жгучих желаний.

Он раздробил посох о череп своего отца, ошеломил и оплевал этих надменных господ храмовников, добился такого почета в своем родном городе, как никто и никогда до него. Цепляться теперь за жизнь,—да чего ради?

Одно только... ему интересно было узнать прежде, чем глаза его закроет вечный сон, как шайка храмовников выпутается из всего этого? Господа храмовники были выдающимися дельцами, а не просто жуликами.

Сборище болванов и на их месте, разумеется, разорвало бы его в клочья в приливе слепой ярости и жажды мести за понесенное унижение, тем самым безнадежно осрабив Йоргеновские празднества, Йоргену невесту и Йоргенстад, самих себя сделав посмешищем всего мира, а все это море паломников превратив в кипящий поток, который мог бы снести их с лица земли!

Но он понимал, что они организованы—эти старые опытные господа храмовники! Они, наверно подумают, да, подумают прежде, чем—ради минутного удовлетворения личной мести—разбить

вдребезги свое долголетнее дело. Да и, кроме того, они, конечно, настолько знают людей, что понимают, что невозможно так сразу перевернуть общее настроение и убедить религиозно-возбужденную толпу, что св. Йорген попросту плут,— пусть даже всем можно было ткнуть в нос самые явные доказательства этого.

И совершенно верно, его мысли оказались правильными.

Он увидел, что храмовники тесно обступили властного и практичного Гросмейстера.

Хитрая усмешка промелькнула на лице Коронного вора, в душе опять вспыхнула искра геройства—захотелось еще подурачиться.

Ко всему этому он чувствовал также, что священное Управление, без сомнения, воздает ему честь за ловкость, с какой он проделал свой фокус, признает преимущества его положения и его право использовать еще остающиеся у него на руках козыри.

Поэтому он принял решение: он плотнее запахнул на себе плащ Йоргена и, спокойно улыбаясь, пошел к господам храмовникам, приветствуемый бесконечным ликованием народной толпы.

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ПЕРЕГОВОРЫ

— Ну, мой дорогой господа храмовники, — начал св. Йорген. — Мир счастливо отделался от одного мошенника, а вы столь же счастливо отделались от своих грехов, — правда, довольно легким способом. Теперь пора нам вернуться в храм. Дорогой тесть, где находится моя невеста?

— Я не скрою от вашей святости, — ответил Гросмейстер, — что мы успели получить важные известия.

— Какие же? — спросил святой, обводя их пронизательным, но ангельски-невинным взглядом.

— Сообщены точнейшие приметы Коронного вора.

— Но, дорогой мой, мы уже повесили его, — мягко сказал святой.

— Мы, во всяком случае, должны были бы повесить его, — с неподдельной свирепостью ответил Гросмейстер, глядя в землю.

— К сожалению, мы повесили не того; но теперь мы попали на след настоящего и уверились, что он все время был к нам ближе, чем мы догадывались.

— Та же самая догадка мелькала и у меня, дорогие господа храмовники, — спокойно ответил святой, — но вместе с тем я опасаюсь, что разобраться в этом деле будет весьма трудно.

— А, может быть, все-таки удастся! — сказал Гросмейстер. — Вестовой курфюрста привез сообщение, что бандита можно узнать по красному солнцу на середине груди.

— Стало быть, надобно подвергнуть всех осмотру! — весело заявил св. Иорген.

— Всех поголовно! — не удержался Казначей, как ни толкал его локтем Гросмейстер.

— Разумеется, господин Казначей, — любезно согласился святой, — и мы начнем с самых верхов.

— С вашей святости, — буркнул Казначей, не обращая внимания на знаки предостережения.

— Моя грудь в вашем полном распоряжении, господа храмовники, — сказал святой с такой искренней готовностью, что Казначей онемел.

Гросмейстер поспешил взять слово.

— Подобный осмотр, без сомнения, задел бы религиозное чувство нашего возлюбленного народа.

— Возможно, — улыбнулся св. Иорген.

— Мы думали бы поэтому, что лучше вашей святости поспешно отбыть, прежде, чем солдаты герцога достигнут города сегодня вечером.

— Дорогие господа храмовники, — сердечным тоном начал Иорген, — как ни горько мне столь быстро расстаться с моим верным и честным управлением и вновь покинуть эти места, которые я ныне узрел после трехсотлетней болезненной разлуки, — я, само собою, сочту долгом пойти навстречу желанию моего Гросмейстера и дорогого тестя, если мне будет вручен вполне годный паспорт на более простое гражданское лицо, так как, к сожалению, нельзя ручаться, что на заставах будут оказывать трехсотлетнему святому такое же почтительное доверие, какое выпало мне на долю в Иоргенстаде.

— Господин Секретарь, — обратился Гросмейстер, — не угодно ли вам немедленно изготовить такой паспорт? На чье имя, ваша святость?

— Можете обозначить: граф Микаэль фон Темпельгейм.

— Запишите, — приказал Гросмейстер, вспыхивая.

— Вместе с тем советую вам проводить меня из города со всеми почестями, — продолжал св. Иорген.

— Это само собою разумеется.

— Пушечным салютом.

— Без сомнения.

— Музыкой и звоном со всех колоколен.

— Не о чем спорить.

— Далее: предоставить мне дорожную колымагу, запряженную четырьмя храмовыми волами.

— Запишите, господин Секретарь, — сказал Гросмейстер, весь пылая, сверкая глазами и дрожа от гнева.

— Провиант на неделю.

— Запишите.

— 7 окороков, 14 хлебов, 3 круга сыру, в том числе и того темного, который мне особенно понравился.

— Запишите.

— Боченок моего насравненного храмового пива.

Господа храмовники выпучили глаза.

— А также плащи и ковры. Вы ведь согласны, что все это мне необходимо?

— Вы записали, господин Секретарь?

— Для расходов на первое время я беру с собой оба эти боченка с золотом из моего храмового казнохранилища.

Все управление передернуло от жадности, но св. Йорген спокойно оглядел их и продолжал:

— Будьте добры, следовательно, господин Казначей, списать эти два боченка со счетов, которые я сегодня утром имел удовольствие просмотреть.

Казначей посмотрел и тихонько замурлыкал.

— В награду я, отбывая, оставлю вам свой святой обрызганный кровью плащ, хотя с радостью вижу, что у вас в запасе парочка превосходных копий — в угловом шкапу (тягостное

молчание); это свидетельствует о добросовестной предусмотрительности; зато я нахожу несколько легкомысленным пользоваться лоскутками старых, отслуживших свой срок плащей, как половыми тряпками в винном погребе. Итак, вы любезно позаботитесь обо всех этих мелочах. А я, не теряя времени, приступлю к прощанию с моим возлюбленным народом.

И он с достоинством повернул им спину.

Они поклонились, как могли естественнее, — краснея, бледнея, желтея, зеленея, стиснув зубы, чувствуя изжогу в груди, — но все-таки поклонились и тотчас же, перешептываясь, принялись готовить для свежее испеченного графа фон Темпельгейма дорожный экипаж и провизию, чтобы успеть выпроводить его раньше, чем придут солдаты герцога и произойдет скандал.

Святой же, приветствуемый бурей восторгов, выступил вперед, готовясь говорить с народом.

П Р О Щ А Н И Е

Народ так и хлынул, опрокидывая столы и скамьи, увидев, что святой хочет говорить.

Все протискивались вперед, сбивали друг друга с ног, топтали, громоздились на поверженных, чтобы быть поближе к святому, лучше видеть и слышать его.

Наконец-то, наконец-то св. Иорген заговорит, настанет великая минута, которой все ждали, — его святой, знаменитый голос прозвучит над городом впервые после 300-летнего перерыва. Лишь ничтожная часть огромных толп слышала его вчера в Храмовой роще, а еще меньшее число

людей — его разговор с повешенным сегодня перед статуей, но о той и другой сцене ходили самые необыкновенные слухи.

Огромная толпа стала затихать.

Все головы и взгляды обратились к нему, облеченному в плащ и стоявшему на верху обрыва. Они видели, как он подходил, такой худенький, маленький и все же святой, настоящий, прославленный святой. Он был среди них.

И не успел никто опомниться, как старый Тобиас из Ноккебю, самый знаменитый из вожаков, известный также своей навозной кучей перед самым порогом, затянул дрожащим голосом:

Свой народ посетил святой Иорген...

Минута была самая подходящая. Громовые раскаты песнопения катились над многотысячной толпой.

Закрыв глаза, стоял Коронный вор на верху обрыва, принимая поклонение толпы; он дал знак, что хочет говорить. Но невозможно было остановить этот порыв, охвативший народ. И пение продолжалось.

Коронный вор отказался от попыток остановить пение.

Еще вчера Коронный вор мечтал взорвать праздник Иоргена, заменить это ползающее на коленях ребячество разумной мыслью и спокойным чувством справедливости, упразднить все эти фокусы с плащом и с чудесами, все это обрядное жульничество.

Но, видя теперь это безбрежное море глупости, это глазевшее на него, словно из глубины первобытных времен, звериное стадо, сопливое, бес-

помощное, несамостоятельное, духовно немощное, которое и не знало, не желало ничего лучше и выше, как отдаться общему настроению, — Коронный вор понял, что эти массы народные только языком трепали, благоговей перед святыней храмов, куда их тянуло, как зверей к солнцу, преклоняться перед священными плащами и чуть не пускаться в штаны от религиозного умиления, — понял, что ни одно из этих тупых, согбенных созданий не сможет встряхнуться, родить самостоятельную и честную мысль своим запущенным мозгом, пока у них есть главный капеллан, из смачных уст которого они могут воспринимать разжеванные истины, как младенцы изо рта няньки жеваную слюнявую соску.

Лебеди скрылись за дальними горами. И его потянуло вдаль, туда, за ними. Легко жить среди могучей природы, без всяких храмовников, без провидения, без чудотворных плащей и попов, — отдельные здоровые существа могут обходиться без всего этого.

Наконец, песня паломников кончилась.

Коронный вор подал знак к молчанию. Тысячи глаз словно присосались к его губам.

— Добрые друзья, — начал он. — Я посетил храм свой, видел свою невесту и могу теперь со спокойной совестью отбыть. Но эти незабвенные дни, проведенные среди вас, никогда не изгладятся из моего сердца. И засим — прощайте, все... все!

Тут отовсюду понеслись к нему жалобные вопли:

— О, святой Иорген! Останься с нами! Не покидай нас! Поговори с нами еще, святой Иорген!

— Я не могу! — прокричал Коронный вор. — Важные известия дошли до моих ушей, и, я вижу, самому провидению угодно, чтобы я поспешил отсюда сегодня же, иначе будет слишком поздно.

— Но ты же обещал сегодня исцелить всех увечных, Йорген! — крикнул старый Тобиаэ.

— Да, да! — завопили все, и началась толкотня.

„Чорт бы подрал этого старого идиота! — подумали храмовники. — Теперь все рухнет“.

Но святой только улыбнулся и кротко покачал головой.

— Грешно было бы исцелить лишь нескольких, а не всех. Боже избави меня сотворить такую несправедливость. Я знаю лучший способ. Слышите вы меня?

— Да, да.

— Сегодня, когда солнце зайдет, вы все отправитесь попарно в Храмовую рощу. Поняли?

— Да! да! — напряженно отвечали ему.

— Там на северной стороне растет моя священная живая изгородь. Отрежьте себе каждый по веточке и отправляйтесь по домам. Посадите веточку в цветочный горшок и поливайте ее колодезной водой, почерпнутой при лунном свете. Знайте, первые семь новых листочков, которые распустятся на ветке, будут обладать чудесной силой. Сорвите их. Но смотрите, не захватите восьмого, в нем яд, который уничтожит всю целебную силу остальных семи. Из этих семи листочков приготовьте крепкий настой. Пейте его медленно с молитвой — и вы увидите чудеса.

Но... я вижу, моя дорожная колымага готова, нагружена моими священными окороками и запряжена священными храмовыми волами. Итак,

говорю вам: прощайте все. От всего сердца прощаюсь с вами: прощайте, прощайте — до нового свидания!

Глаза у всех блестели слезами.

И песня почти одновременно вырвалась из тысячи грудей:

Хоть мы телом и убоги,
честью и умом бедны,
все возрадуемся в боге, —
дети Йоргена ведь мы!..

Впереди всех пел старый Коркис. Руки у него тряслись, слезы катились по серебряной бороде, и он, улыбаясь сквозь слезы, смотрел на святого своими вечно ясными, умными старыми глазами.

Горько-грустная гримаса тронула лицо Коронного вора. Видеть, как легко такой умный и благородный человек поддался дешевому обману!.. И он быстро повернулся к храмовникам, как бы желая выместить на них свою горечь.

— А теперь, господа храмовники, бьет час прощания. Подходите облобызать мою руку! — властно крикнул он.

У храмовников лица окаменели, но они поневоле повиновались. Глаза народа следили за ними.

— Прощай, Гросмейстер, охраняй мой храм и не давай никому водить себя за нос.

— Негодный плут! — вырвалось из уст Гросмейстера, когда он с почтительным поклоном целовал руку святого.

— Прощай, Хранитель плаща. Повесь опять этот плащ в моем святом храме. И да не осквернит никогда твоих святых рук поддельный плащ.

— За сердце хватает, — сказала старушонка с перебитым носом старику с заячьей губой и отерла глаза передником.

О Т Ы Т И Е

Св. Йорген простился со своими храмовниками. Последние прощальные слова он прошептал на ухо грозному главному капеллану.

— Собака, а не отец,— вот что прошептал он капеллану. — Кланяйся пониже и целуй руку сыну со смиренной мольбой о прощении за то, что произвел его на свет и в то же время украл у него честное имя.

И капеллан, дрожа от ярости, вынужден был поклониться и поцеловать руку Микаэля.

— Свинья! — шепнул ему Микаэль затем. — Поклонись еще раз и поцелуй мне руку, прося прощения за то, что в высокомерии и самовластии своем загубил жизнь и счастье моей матери, Урсулы Коркис из Розового переулка.

И главному капеллану пришлось вторично согнуть свою негнущуюся шею.

— Шея у тебя плохо гнется; не привыкла, видно, любезный батюшка,— сказал ему Микаэль напоследок,— надо поупражнять ее. Поцелуй мне руку в третий и последний раз в знак спасибо за то, что я разбил тебе нос своим посохом. Ну! Кланяйся пониже. Нечего пыхтеть. Здесь я сильнейший.

И в третий раз должен был капеллан поцеловать руку святого прежде, чем его отпустили.

Коронный вор вздохнул. Как легко! Как свободно! Месть была завершена, страстная тоска, томившая его всю жизнь, удовлетворена. А теперь... как вдруг пусто стало в душе... Как будто и жить больше не зачем.

А во дворце Олеандра в диком отчаянии металась как раненый зверь.

Она, умнейшая, была обманута, одурачена хуже всех. Она, самая гордая, самая знатная из всех, была опозорена, осквернена хуже всех самим Коронным воров. Она, самая холодная, самая неприступная, насмехавшаяся над грубою пошлостью любви, содрогалась в восторге в объятиях сына храмового сторожа, публично наказанного плетью на площади.

Перед ним она стояла, как смущенная школьница; он наслаждался ее стыдливым румянцем, произнося свою высокопарную речь: „Ваша святейшая милость“... Как он, верно, смеялся про себя, с дерзкой торжественностью требуя от нее „удовлетворения, восстановления чести своей в своем потомстве“... И она дала ему удовлетворение... полною, щедрою мерой...

На дыбу его! Четверговать! Плетью! Повесить! Она вскочила. Ей хотелось видеть, как его поволокут дикие кони, разорвут в кровавые клочья под ее презрительный хохот и крик мести.

Она бросилась к окну и остолбенела в яростном изумлении. Что же это? Во сне ей снится?..

Этот разоблаченный плут стоит себе на обрыве и, спокойно улыбаясь, принимает восторженные приветствия толпы... Где же карающее правосудие земное? Смущенные, растерянные, понурые бегали храмовники, снаряжая дорожную колымагу для него... для него... Как?.. Они целуют ему руку?.. Он улыбается, а они, один за другим, низко кланяются ему и целуют руку. Кланяются и целуют!..

Олеандра вся дрожала... На лбу ее выступил холодный пот... она едва держалась на ногах...

О, какой позор! Позор! Управление предало ее! Собственный отец продал ее. Они его не тронули, ни волоска на голове его не тронули. Не посмели. Они ведь сами такие же обманщики.

С окаменелым лицом, в ужасе смотрела она на эту кучку растерянных людей...

И взор ее с боязливым удивлением перешел к этому умному, превосходящему всех человеку, который стоял там, улыбаясь, головою выше всех.

Она забыла, что он — сын сторожа, а она — дочь Гросмейстера. С глубоким смирением сознала она, что он — сильный и предусмотрительный, умеющий обеспечить себе победу, она же — самая обыкновенная, безразличная для него девушка... игрушка, растоптанная им на пути. Все внутри у нее словно оборвалось, перевернулось...

— Йорген, Йорген, взгляни же на меня, — рыдая шептала она.

А! Он взглянул! Увидел ее! Понял! Улыбка сбегала с его уст! Лицо стало глубоко серьезным... Она вытянула шею... В этот час разлуки ничего не стоило решиться на все... Во всем мире не существовало никого, кроме них двоих.

С затуманенным взором отыскала она кинжал... охотничий кинжал отца, и, держа его в руке, спокойно вышла на крыльцо, стала спускаться, не сводя глаз с Йоргена... Он стоял все такой же серьезный, без гнева, без боязни... лишь тень улыбки явилась около губ.

— Ты покидаешь меня, Йорген? — крикнула она ему еще с полдороги.

— Да, раз ты не хочешь следовать за мной!— бросил он ей навстречу.

— Я хочу с тобой!— с отчаянием крикнула она, уронила книжал и вскочила в колымагу.

— В путь!—крикнул Коронный вор.

Зазвонили колокола. Народные толпы с восторженными кликами расступались перед колымагой отбывавшего святого.

И Михаэль привстал в колымаге, крепко держа в своей руке руку Олеандры, и крикнул вверх голов и простертых к нему рук:

— Я вернусь опять через триста лет!..

Бесконечное ликование поднялось в битком набитых народом переулках и улицах. Олеандра с рыдающим горловым смешком стиснула руку „святого“.

— Пали!—бешено крикнул Гросмейстер пушкарю на площади, и грянул первый выстрел, а за ним раскатился новый гром ликования толпы.

—Машите! Машите!—кричал капеллан, задыхаясь от напряжения и ярости. — Ведь народ глядит на нас!

И господа хромовники восторженно замахали шляпами. Девицы кивали, кричали и плакали.

Второй выстрел грянул вслед колымаге, прогромыхавшей по мосту и сворачивавшей на дорогу.

Ехавший навстречу отряд солдат герцога почтительно посторонился перед знатными проезжими.

Громыхание колымаги св. Йоргена замирало вдаль; ветер разносил над городом звуки тысячеголосой песни:

Все возрадуемся в бже;
дети Йоргена ведь мы!..

— Да пали же в последний раз, чорт тебя дери! — ревел Гросмейстер, весь в поту, чуть не плача от запальчивости. И третий пушечный выстрел возвестил, что праздник кончен.

Но долго еще звонили в лад колокола вслед скрывшейся колымаге.

Долго еще стоял Гросмейстер и пристально глядел вслед шарлатану, увезшему его любимую дочь, его колымагу, его волов, его окорока и сыры и два боченка храмового золота... Глядел вслед колымаге, в которой Коронный вор с Олендрой уносились, словно пара диких одиноких лебедей, за ограждавшие Йоргенстад синие горы...

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Стадо	3
Коронный вор	10
Паучье гнездо	16
Олеандра	20
„Пришествие св Чоргена“	33
Гайны храмовников	42
Утро „святого“	56
Земное правосудие	63
Дипломатические переговоры	72
Прощание	76
Отбытие	81

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

□ □ МОСКВА □ □

Библиотека для крестьян и рабочих

ИЗБА-ЧИТАЛЬНЯ.

Чернышев. Иван Удалов. Ц. 10 к.

Деев-Хомяковский. „Красный сарафан“. Песенник.
Ц. 15 к.

Рязанцев. По-новому. Ц. 8 к.

Семенов. Отчего Парашка не научилась грамоте.
Ц. 25 к.

Никитин. Кулак. Ц. 15 к.

Нефедов. Сказка о заколдованном кладе. Ц. 10 к.

Тихонов. Без компаса. Ц. 20 к.

Платоныч. Бабий бунт. Ц. 20 к.

Дорогойченко. Бурьян. Ц. 10 к.

Ложечников. Ледяной дом. Ц. 20 к.

Степной. В траншеях. Ц. 7 к.

ПОДВИЖНАЯ ХРЕСТОМАТИЯ

„ГРОМКАЯ ЧИТАЛЬНЯ“.

Вып. I. „Русские писатели“. Ц. 2 р.

Вып. II. „Иностранные писатели“. Ц. 1 р.

РОМАНЫ, ПОВЕСТИ, РАССКАЗЫ.

- Елпатьевский, С. Едут и другие рассказы. Ц. 60 к.
Его же. Рассказы. Ц. 45 к.
Зубилин, Н. Рассказы веселого мастера-столяка. Ц. 30 к.
Короленко, Н. Избранные рассказы. (Клас. рус. лит.). Вып. I. Ц. 30 к.
Его же. Выпуск II. Ц. 30 к.
Его же. Выпуск III. Ц. 45 к.
Его же. Ночью. Очерк. Ц. 2
Его же. Река играет. Ц. 2 к.
Его же. Слепой музыкант. Этюд. Ц. 25 к.
Ненсэ, М. А. Пассажиры пустых мест. Ц. 20 к.
Орешин, П. Корявый. Рассказы. Ц. 35 к.
Посп, А. История одной работницы. Ц. 30 к.
Ростан, Ж. Закон богачей. Ц. 15 к.
Серафимович, А. Город в степи. Роман. Ц. 60 к.
Его же. Рассказы. Ц. 70 к.
Сурожский, П. Ветка полыни. Ц. 70 к.
Толстой, Л. Н. Избранные рассказы. (Клас. рус. лит.). Вып. I. Ц. 40 к.
Его же. Выпуск II. Ц. 40 к.
Его же. Казаки. Кавказская повесть. (Клас. рус. лит.) Ц. 40 к.
Чехов, А. П. Избранные рассказы. (Клас. рус. лит.) Вып. I. Ц. 20 к.
Его же. Выпуск II. Ц. 30 к.
Его же. Выпуск III. Ц. 35 к.
Шмелев, И. Они и мы. Ц. 60 к.
Его же. Рваный барин. Рассказ. Ц. 25 к.
-

КНИГИ ПО ВСЕМ ОТРАСЛЯМ ЗНАНИЯ ВЫ СЫ Л А Е Т

ТОРГОВЫЙ СЕКТОР ГОСИЗДАТА

Москва, Ильинка, Биржевая пл., Боголюбенский пер., 4. Тел. 47-35.
Ленинградское представительство, Ленинград, Моховая, 36. Тел. 5 34-17

О Т Д Е Л Е Н И Я

Армавир, Первомайская, 54.

Баку, ул. Троицкого, 14.

Батум, ул. III Интернационала, 15.

Владикавказ, Пролетарский пр., 33.

Вологда, площадь Свободы.

Воронеж, просп. Революции, 1-й дом Совета.

Екатеринбург, уг. Пушкинской и Ив. Малышева.

Казань, Госиндворская, Гостинный Двор

Киев, Кредатик, 38.

Кисловодск, улицы Карла Маркса, 7.

Кострома, Советская, 11.

Краснодар, Красная, 30.

Н.-Новгород, Большая Покровка, 12.

Одесса, улица Лассаля, 12.

Пенза, Интернациональная, 39/43.

Пятигорск, Светский пр., 48.

Ростов-на-Дону, улица Фр. Энгельса, 10б.

Саратов, улица Республики, 30 (42).

Тамбов, Коммунальная, 14.

Тифлис, проспект Руславели, 16.

Харьков, Московская, 20.

МАГАЗИНЫ В МОСКВЕ:

Советская пл., под быв. гост.

„Дрезден“, Тел. 1-28-91.

Моховая, 17. Тел. 1-31-50.

Ул. Герцена, 13. Тел. 2-64-95.

Никольская, 3. Тел. 49-51.

Злопуховская площадь, 1/43.

Тел. 3-79-65.

Кузнецкий Мост, 12. Телефон 1-01-35.

Покровка, Ялин пер., 11.

Тел. 81-94.

Мясницкая, 46/2.

Кузнецкий Мост, 11.

Тверская-Ямская, 26.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ СКЛАД УЧЕБНИКОВ и НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ „ТЕПЛЫЕ РЯДЫ“ и оптово-розничный магазин при нем — Ильинка, Боголюбенский пер., 4. Тел. 1-91-42.

провинцию книги высылаются наложенным платежом по получении датна одной трети стоимости заказа. Если заказ превышает 10 руб. деньги будут высланы вперед — первыми за счет Торгсектора.